

А. В. Малов

**Начальный период Смоленской войны на направлении
Луки Великие – Невель – Полоцк (до 3 июня 1633 г.)¹**

О Смоленской войне (1632–1634) обычно пишут как о безусловно и бездарно проигранной Россией. Однако после позорной капитуляции под Смоленском главной русской армии М. Б. Шеина Россия по условиям Поляновского мирного договора, не только не понесла территориальных потерь, но и удержала из занятых русскими войсками городов Серпейск с уездом. Главным же успехом России стало достижение одной из целей этой войны – отказ Владислава IV, хотя и за солидное финансовое вознаграждение, от претензий на московский престол². Данное противоречие не может быть достаточно убедительно объяснено без выяснения всего хода войны не только на главном направлении, но и на флангах. При относительно неплохой изученности Смоленской войны в целом о событиях на ее флангах – в частности на северо-западном театре военных действий – мало что известно. Основное внимание исследователей привлекала политико-дипломатическая история этой войны, а из военно-политических событий – центральное событие этой войны – неудачная осада Смоленска и капитуляция осаждавшей его армии М. Б. Шеина перед королевскими войсками Владислава IV³.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «История Смоленской войны. 1632–1634 гг.» проект № 05-01-01079а.

² Козляков В. Н. Михаил Федорович. М. 2004. С. 223.

Сведения о военных действиях на северо-западном направлении в общих работах и в исследованиях по военно-политической истории ограничиваются краткими сообщениями о занятии русскими войсками Невеля⁴, а также Красного и Себежа⁵. В предлагаемой вниманию читателей статье предпринята попытка реконструкции начального этапа Смоленской войны на территории Великолуцкого, Пусторжевского, Торопецкого и отвоеванного Невельского уездов, а также на прилегающих к данному участку русско-литовской границы земель Полоцкого и Витебского поветов ВКЛ с начала военных действий в октябре 1632 г. до разгрома русскими войсками Полоцка в начале июня 1633 г. Тема настоящего исследования по сути не освещалась в исторической литературе, за исключением кратких упоминаний отдельных эпизодов в научно-популярных сочинениях⁶.

Предпосылки Смоленской войны

Россия, понесшая во время Смуты крупные территориальные потери, наиболее тяжелой из которых был Смоленск – форпост Москвы на Западном направлении, – не могла с ними смириться. Другой причиной конфронтации в отношениях России и Речи Посполитой являлись претензии королевича Владислава на московский престол, что для молодой русской династии было не менее значимо, чем борьба за возвращение утраченных Московским государством земель. И в Варшаве и в Москве Деулинское перемирие 1618 г. рассматривалось лишь как временная передышка. Война между Россией и Речью Посполитой едва не возобновилась в 1621 г.⁷ В московском обще-

³ Петров К. В. Новые источники по истории Смоленской войны 1632–1634 гг. // Очерки феодальной России. Вып. 4. М. 2000. С. 123.

⁴ Прокофьев В. А., Новосельский А. А. Международное положение Русского государства в 20–30-х годах и Смоленская война 1632–1634 гг. // Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в. М., 1955. С. 468.

⁵ Вайнштейн О. Л. Россия и Тридцатилетняя война 1618–1648 гг. Очерки из истории внешней политики Московского государства в первой половине XVII в. Л., 1947. С. 168.

⁶ Волков В. А. Подвиг перебежчика Радецкого: Неизвестная страница Смоленской войны // Родина. 2003. № 3. Л. 32–33; Он же. Войны и войска Московского государства. М., 2004. С. 301, 304.

⁷ Козляков В. Н. Михаил Федорович. С. 133–137.

стве жажда реванша за разорение и унижение Смуты подогревалась вызывающим поведением польско-литовского правительства и дипломатии, а также массовыми нарушениями границ Московского государства и «подседанием» земель⁸. Правительство России проводило большую работу по возрождению и реформированию вооруженных сил, обеспечению их необходимым вооружением и припасами⁹.

Узел русско-польских противоречий дополнялся первой общеевропейской Тридцатилетней войной (1618–1648), в которую опосредованно оказались втянуты и государства Восточной Европы¹⁰. Начавшееся в 1630 г. на Украине мощное казачье восстание заставляло русское правительство торопиться с началом войны. Судя по масштабным мероприятиям правительства по подготовке к войне вопрос о возобновлении военных действий против Ре-

⁸ Там же. С. 203, 205–206.

⁹ Закупки вооружения и боеприпасов в Голландии, Англии, северогерманских государствах, Швеции непрерывно возрастали с 1626 г. Внутри страны правительство постаралось увеличить литье пушек, селитроварение и прочее производство вооружения и боеприпасов, финансово и материально поддерживало и укрепляло поместную конницу и стрелецкое войско. В ходе подготовки к войне русское правительство наняло в Северной Германии, Голландии и Англии 4 солдатских полка, а в России началось формирование полков иноземного строя с начальными людьми из иноземцев и рядовым составом из русских людей. См.: *Сташевский Е.* Смоленская война 1632–34. Организация и состояние московской армии. Киев. 1919; *Воробьев В. М.* Из истории поместного войска в условиях послесмутного времени (на примере новгородских служилых городов) // Мавродинские чтения. Материалы к докладам 10–12 октября 1994 г. Санкт-Петербург. Межвузовская научная программа «Исторический опыт русского народа и современность». СПб., 1994. С. 82–91.

¹⁰ О политической подоплеке событий см.: *Вайнштейн О. Л.* Указ. соч.; *Прокофьев В. А., Новосельский А. А.* Указ. соч.; *Поршнев Б. Ф.* Тридцатилетняя война и вступление в нее Швеции и Московского государства. М., 1976; *Флоря Б. Н.* Россия и чешское восстание против Габсбургов. М., 1986; *Он же.* Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в период Тридцатилетней войны (до 1634 г.) // Османская империя и страны Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы в XVII в. Ч. I / Отв. ред. Г. Г. Литаврин. М., 1998. С. 76–127.

чи Посполитой был однозначно решен еще в 1630 г. Когда же в 1632 г. умер польский король Сигизмунд III Ваза, русское правительство решило, что наступил наиболее благоприятный момент для нападения на Речь Посполитую, оставшуюся без короля.

Разведка на оперативных направлениях грядущей войны

В обязанности воевод «украинных» городов Московского государства помимо административных и военных функций входил сбор информации о «соседе», включая разведку сопредельной территории. Перед Смоленской войной на Великих Луках в лазутчиках ходили стрелец Григорьев приказчика Чирикова Яков Афанасьев сын Бурков и казаки Терентий Давыдов, Тихон Борисов и Василий Артемьев сын Строкин. После войны в росписи «старых» луцких лазутчиков помимо названных упоминаются стрелец Томило Филиппов сын Пчолка, пушкарь Василий Артемьев сын Немкин и посадский человек Иван Власьев сын Кочевитцкий¹¹. Уже в ходе подготовки к войне луцкий воевода стольник Федор Васильев сын Клепиков-Бутурлин, как и его предшественники, посылали лазутчиков Буркова и Строкина «за рубеж по всякой месяц», а при сменившем Бутурлина перед началом военных действий кн. Петре Александрове сыне Репнине лазутчики начали ходить «за рубеж по всякую неделю»¹². Объектами разведки были в первую очередь сопредельные Невельский уезд и Усвятская волость Велижского уезда.

Перед войной выехать «на Государево имя» пожелал шляхтич Виленского повета Григорий Иванов сын Чижевский, служивший «урядником» в невелиском поместье Богдана Корсака. Г. Чижевский не торопился с выездом в Россию и начал свою службу царю еще в Литве: «слыша ... к выежжжим иноземцом твою царьскую милость и хотя выехать на твое Государево имя, живучи в Невельских уездах, тебе Государю служил — твои Государевы тайные дела луцким людем, которых посылали с Лук Великих для твоих Государевых тайных дел Якушку Буркову с товарищи, сказывал»¹³. В марте 1632 г. на Невель «для вестей» воевода направил казака Дружину Моторкина, который под прикрытием торговых дел встречался на Невеле с на-

¹¹ РГАДА. Ф. 210. Разряд. Столбцы Новгородского стола. № 58. Л. 81–82.

¹² Там же. № 25. Л. 340.

¹³ Там же. № 25. Л. 349.

званным Г. Чижевским¹⁴. Есть все основания полагать, что Г. Чижевский был не единственным информатором русских лазутчиков, и великолуцкий воевода достаточно оперативно получил вести о положении дел на Невеле, в ВКЛ и в целом в Речи Посполитой.

К разведке сопредельной территории привлекались и крестьяне пограничных сел и деревень. Луцкие лазутчики стрелец Я. Бурков и казаки В. Строкин, Т. Давыдов и Т. Борисов, а также крестьянин Саввы Немтинова Игнат Шелюхин вели альтернативный сбор информации, главным образом, через личные связи в ВКЛ. 16–21 февраля на разведку в Велижскую волость ходили Т. Давыдов и Т. Борисов, а в Усвятской волости 16–22 февраля проводывал И. Шелюхин¹⁵. Вернувшись 21 февраля на Луки, Т. Давыдов и Т. Борисов со слов крестьян Александра Гасевского Никиты Городецкого и Григория Лопотина сообщили, что всем ратным людям Речи Посполитой указано «*по траве*» быть в Смоленске, да 300 гайдуков для усвятского гарнизона вербует Рудомина, а А. Гасевский собирается ставить в 15 верстах от луцкого рубежа острог «*вместо*» Велижа¹⁶.

Важными информаторами русских лазутчиков являлись православные белорусы – «*беларусцы*» и русские люди, оказавшиеся за рубежом в Смутное время и там осевшие. Таким информатором посланных на рубеже февраля-марта 1632 г. в Невельский уезд и в Усвятские волости лазутчиков оказался бывший луцкий ямщик Федор Маслов, который «*в Луцкое де разаренье зашол в Полотеск и ныне живет в Полоцке*». Русские лазутчики встречались с ним в Стайках Усвятской волости¹⁷. Сообщенные Ф. Масловым сведения, которые Бурков и Строкин пересказали 2 марта в воеводской избе, представляли собой гулявшие по ВКЛ слухи и касались грядущего варшавского сейма, по организации мирного посольства в Москву¹⁸.

3 марта 1632 г. на Луки Великие выехал на русскую службу служилый пахолок шляхтича Микулая Исакейского шляхтич Ян

Козловский со своей женой. Он сообщил о намеченном весной сборе войск в Смоленске, где планировалось сконцентрировать армию в 20 тыс. чел (8 тыс. гусар и 12 тыс. казаков и пехоты) во главе с королевичем Владиславом, подचाщим гетманом Радзивилом, Яном Кишкой, полковниками Александром Гасевским и Юрием Зеновичем. Гетман Лев Сапега должен был собираться с войсками (немецкие рейтары, гусары, казаки и немецкая пехота – всего 7 тыс. чел.) на Невеле, а оттуда идти на Луки и Торопец, а с ним – Александр Рудомина с братом да ротмистры Александр и Самуил Огнинские. Он же сообщил, об ожидаемом присоединении к гетманской армии запорожских казаков. По его словам Ян Кишка избран ныне польным гетманом и, сдав полоцкое воеводство князю Криштопу Друцкому Соколинскому, весной должен идти с войсками к армии под Смоленск, а оттуда на Луки Великие¹⁹. По сообщению Я. Козловского, предполагалось, что на время формирования наемных регулярных частей русские войска и земли атакует посполитое рушение Ошмянского, Полоцкого, Мстиславского и Минского поветов²⁰.

Вернувшись с сопредельной территории 26 марта 1632 г., луцкие лазутчики Я. Бурков и В. Строкин представили воеводе со слов бывшего лучанина, а ныне полочанина Федора Малова да борисоглебского попа Изотика из с. Чапля Невельского у., вести о военно-политической ситуации в Речи Посполитой. В частности, лазутчики сообщили о готовности польского правительства атаковать Московское государство, не дожидаясь окончания срока Деулинского перемирия, а также о концентрации в районе Могилева, Шклова и Быхова около 12 тыс. запорожцев и некоторые другие слухи²¹.

В преддверии начинающейся войны воевода П. Репнин 25 сентября послал на Невель «*для вестей*» лазутчика Буркова, который пришел на Луки 28 сентября. Вновь русские лазутчики Бурков и Строкин отправились за рубеж на Невель и в Усвятские волости в первой декаде октября, благополучно вернувшись 13 числа²².

¹⁹ Там же. Дополнительные описи. Оп. 19. № 10. Л. 1–5.

²⁰ Там же. Оп. 19. № 10. Л. 9–13.

²¹ Там же. Оп. 19. № 10. Л. 14–17.

²² Там же. Столбцы Новгородского стола. № 25. Л. 346.

В декабре 1631 г. торопецким воеводой был назначен стольник Андрей Артемьев сын Измайлов, воеводствовал в городе до конца войны. Для предстоящей службы 24 декабря новоиспеченный воевода получил в Устюжской чети жалованье в половину своего оклада²³. Уже 20 февраля 1632 г. новый воевода попытался отправить торопецких лазутчиков Ивана Щеку и Левку Гуселникова «за литовской рубеж», но последние потребовали от Измайлова проезжие листы, из-за чего вышла задержка²⁴. 15 марта 1632 г. Андрей Измайлов послал с Торопца в Литву «для всяких вестей» Леву Гуселкова. Лазутчик побывал в имение князя Рябинского в дер. Березине и 25 марта вернулся в Торопец, принеся слухи о цесарском посольстве и будущих польско-русских переговорах, а также об отказе запорожцев участвовать в грядущем походе польско-литовских войск на московскую границу, «для того, что у них король нарушает веру»²⁵. О тех же грядущих русско-польских переговорах и выборе наследника польского престола сообщили торопчане посадский человек Яков Хорошев и лазутчик Иван Щека, ходившие по ВКЛ «для вестей» с 28 марта по 13 мая по заданию воеводы Измайлова²⁶.

Начало войны

Еще в июне 1632 г. Земский собор поддержал идею войны с Речью Посполитой, но набег крымцев отсрочил начало войны. Лишь в августе героически оборонявший Смоленск во время

²³ 24 декабря приказ Устюжской чети выдал «для Торопецкой службы» жалованье А. А. Измайлову по памяти из Разряда от 22 декабря 1631 г. При четвертном окладе в 72 руб. Измайлов получил из Чети жалованье в размере половины оклада — 36 руб.: РГАДА. Ф. 141. Приказные дела старых лет. Оп. 1. 1631 г. № 77. Ч. 1. Л. 56–56об.

²⁴ Уточняющая формуляр проезжих листов («давать ли по образцу прежних воевод») отписка воеводы получена в Разряде 3 апреля, но лазутчики к тому времени уже побывали в ВКЛ, так что вопрос с документами и разведкой был решен еще до того как уладились все нюансы формуляра: РГАДА. Ф. 210. Разряд. Столбцы Московского стола. № 83. Столпик 10. Л. 102–103.

²⁵ Отписка о том подана в Разряде 3 апреля 1632 г.: РГАДА. Ф. 210. Разряд. Столбцы Московского стола. № 83. Столпик 10. Л. 97–98, 99–99а.

²⁶ Отписка о том подана в Разряде 22 мая 1632 г.: РГАДА. Ф. 210. Разряд. Столбцы Московского стола. № 83. Столпик 10. Л. 100–101.

Смуты главный воевода М. Б. Шеин со своим товарищем А. В. Измайловым выступил из Москвы к Смоленску. Однако, двигаясь непростительно медленно, М. Б. Шеин достиг Смоленска лишь в декабре 1632 г.²⁷

Начало военных действий оказалось благоприятным для русских войск: правящая элита Речи Посполитой в очередной раз оказалась не в состоянии организовать оборону восточных границ государства. На центральном (западном) направлении еще до подхода основных сил во главе с Шеиным и Измайловым отряд Федора Сухотина занял Дорогобуж (18 октября), ставший в дальнейшем базой для снабжения русских войск, а стольник и воевода Б. Нагой со своим полком из Калуги захватил Кричев, Серпейск (12 октября) и Рославль. В то же время полк кн. С. М. Прозоровского занял крепость Белая (октябрь), превратив ее в базу для набегов во внутренние пределы Великого княжества Литовского. После этого кн. Прозоровский и Нагой соединились с армией М. Б. Шеина под Смоленском. Одновременно на юго-западном направлении отряды Государевых ратных людей из Путивля и Рыльска взяли Рамонский острог и Батурин, а из Брянска — Почеп, Стародуб и Трубчевск, воевода Баим Болтин взял Новгород-Северский. Отряды ратных людей захватили Сурож, а в набеге доходили до Чернигова и Гомеля. На северо-западном направлении посланные из Пскова сотенные головы с помещичьей конницей и казаками овладели Красным и Себежем.

Таким образом, за относительно короткий период с осени 1632 к весне 1633 г. практически полностью была восстановлена власть Великого Государя на землях, утраченных Россией в результате Смуты. Попытки поляков весной 1633 г. отбить Стародуб, захватить Белгород и поход Иеремии Вишневецкого на Путивль провалились, единственным их успехом стал захват Валук.

Взятие Невеля

Царский указ от 9 августа 1632 г. поставил перед войсками и воеводами задачу очистить от противника русские города, ото-

²⁷ Гибель в сражении при Люцене 26 ноября 1632 г. шведского короля Густава-Адольфа похоронила планы совместной борьбы России и Швеции против Речи Посполитой и стала первой неудачей России в этой войне.

шедших к Речи Посполитой по Деулинскому перемирию 1618 г.²⁸ Согласно указу, с началом войны воеводе Великих Лук предстояло не только защищать и оборонять вверенные ему город и уезд, но и силами имеющихся на Луках в распоряжении воеводы ратных людей вернуть «под царственную руку» утраченные в ходе Смуты Невель с уездом. Хотя до осени война так и не началась, обстановка на литовской границе мало отличалась от военного времени. Русская застава почти постоянно находилась в укрепленной острожке деревне Городенец, наиболее часто подвергавшейся набегам литовцев. Выдвинувшаяся 17 октября 1632 г. застава головы лучанина Михаила Лаврентьева сына Извекова 19 октября была атакована и осаждена в острожке польско-литовским отрядом. Извекову с ратными людьми и крестьянами удалось отбиться от непрошенных гостей без потерь²⁹. Воеводы и ратные люди ждали государева указа о начале военных действий против Речи Посполитой. Царский указ от 27 октября 1632 г. предписал луцкому воеводе кн. П. Репнину послать голову с ратными людьми под Невель для взятия города, а торопецкому воеводе стольнику Андрею Измайлову прислать голов с ратными людьми для совместных с лучанами военных операций³⁰.

Однако в большинстве городов «от литовские украины» указ об открытии против Речи Посполитой военных действий еще не успели получить, когда 29 октября ротмистры Павловский и Яковицкий с Невеля атаковали русскую заставу головы Алексея Пантелеева сына Дубровина³¹ в дер. Городенец Окольского

²⁸ Разрядная книга 139–142 гг. // Книги разрядныя, по официальным оных спискам, изданныя с высочайшаго соизволения II-м отделением собственной Его Императорского Величества канцелярии. Т. 2. СПб., 1855. Стб. 379.

²⁹ РГАДА. Ф. 210. Разряд. Столбцы Московского стола. № 91. Л. 208, 209.

³⁰ РК 139–142 гг. Стб. 381–382.

³¹ В списке лучан, бывших в 122-м (1613/14) г. на Невеле с воеводой Григорием Волуевым А. П. Дубровин написан еще с неслужилыми новиками (РНБ ОР. Ф. IV. № 394. Л. 199об. С удовольствием выражаем благодарность А. П. Павлову за предоставленную сделанную им электронную копию рукописи настоящей сыскной книги 122–123-го гг.) В расходной книге Устюжской четверти 128-го (1619/20) г. лучанин А. П. Дубровин записан с окладом в 5 руб. (Приходно-расходные книги московских приказов 1619–1621 гг. / Сост. С. Б. Веселов-

пригубка Луцкого у.³² В ходе боя литовцы взяли в плен стрелецкого сотника Самсона Макарова, но оправившись от первого натиска, голова А. Дубровин вывел свою заставу, состоящую из казаков и стрельцов, из острожка на вылазку и атаковал противника: «розогнал и за ними гоняли до рубежа», освободив из плена стрелецкого сотника, но не решившись преследовать противника на его территории до получения царского указа³³.

На следующий день 30 октября ротмистр Павловский с конными и пешими людьми опять атаковал заставу А. Дубровина, но с еще меньшим успехом³⁴. Вновь литовцы попытались счастье под заставским острожком А. Дубровина 2 ноября, когда ротмистры Грибовский и Островский с конными и пешими людьми потеряли в бою с русской заставой в качестве языков 3-х своих казаков и знамя³⁵.

Еще до получения царского указа об «очищении» Невеля от польско-литовских людей вышедшие на Государево имя из Невельского уезда русские люди сообщили луцкому воеводе, что на Невеле «литовские люди немногие, а из Литвы да на Невель прибылых людей не чають»³⁶. По получению указа от 27 октября и по вестям от взятых языков П. Репнин решил атаковать Невель не дожидаясь подхода ратных людей с Торопца. Головы лучане Петр Максимов сын Лукомский, Семен Григорьев сын Мякинин и пусторжевец Никита Иванов сын Сумороков 9 ноября повели на Невель 200 дворян и детей боярских лучан, пусторжевцев и невян, 200 луцких казаков в двух станицах³⁷ да с ними же выступил

ский, подг. к печ. Л. Г. Дубинская и А. Л. Станиславский. М., 1983. С. 162).

³² РГАДА. Ф. 210. Разряд. Столбцы Новгородского стола. № 25. Л. 10–13, 325.

³³ Там же. Столбцы Московского стола. № 163. Л. 49–50.

³⁴ Там же. № 163. Л. 50.

³⁵ Там же. № 163. Л. 51. Впрочем один из взятых языков Кирейко Друшляк «служил на Невле посадскую службу»: там же. Столбцы Новгородского стола. № 25. Л. 325–327.

³⁶ Там же. Столбцы Московского стола. № 163. Л. 33.

³⁷ Станицы атаманов Еремея Никитина сына Соломыкова и Богдана Захарьева сына Порываева были переведены на Луки Великие в 1619 г. с Невеля в связи с отдачей последнего полякам по условиям Деулинского перемирия 1618 г. (РГАДА. Ф. 210. Разряд. Дела десятен. Кн.

в поход стрелецкий голова Григорий Михайлов сын Чириков³⁸ с полным приказом луцких стрельцов (300 чел.)³⁹, а в вожах великой войско луцкие лазутчики стрелец Я. Бурков и казак В. Строкин⁴⁰.

Первый сотенный голова в походе на Невель Петр Лукомский к 139-му (1630/31) г. возглавлял и городовую служилую корпорацию Лук Великих⁴¹. Можно предположить, что великолуцкие дворяне Лукомские находились в родстве с литовским родом князей Лукомских. Однако для утверждения факта подобного родства на сегодня мы данными не располагаем⁴². С. Г. Мякинин и П. М. Лу-

297. Л. 111–112; *Станиславский А. Л.* Гражданская война в России XVII в. Казачество на переломе истории. М., 1990. С. 214.). Атамана Б. З. Порываева, возглавлявшего станицу еще в 1623 г., к 134-му (1625/26) г. уже не было в живых (РГАДА. Ф. 210. Разряд. Дела десятиен. Кн. 19. Л. 81; Кн. 20. Л. 67; Кн. 22. Л. 65, 80–80об., 103, 114, 125, 133, 144) и к 139-му (1630/31) г. станица возглавлялась поместными казаком Симоном Федоровым сыном Бедриным и есаулом Нечаем Афанасьевым (Там же. Кн. 28. Л. 115–115об.; Кн. 297. Л. 123.).

³⁸ По сыску служилых городов 1613 г. лучанин Г. М. Чириков был написан по дворовому списку с окладом в 550 чети земли и 20 руб. денег, см.: ОР РНБ. Ф. IV. № 394. Л. 187об.

³⁹ РГАДА. Ф. 210. Разряд. Столбцы Новгородского стола. № 25. Л. 1.

⁴⁰ Там же. Л. 340.

⁴¹ Там же. Дела десятиен. Кн. 28. Л. 5–5об.; Кн. 30. Л. 3.

⁴² В случае если наше предположение верно, Лукомские – «выезжий из литвы» измельчавший древний литовский княжеский род, представители которого при выезде в Московское государство утратили княжеский титул. Лукомль – родовой город князей Лукомских был уездным городом Полоцкого повета в 85 верстах от Полоцка (Писцовые книги, издаваемые Императорским русским географическим обществом. Часть первая. Отделение второе. Спб., 1877. С. 423, 437). По Переписи войска литовского 1528 г. 7 князей Лукомских выставляли на службу «почты» общим числом в 60 конных ратников пахоликов (*Кром М. М.* Меж Русью и Литвой: Западнорусские земли в системе русско-литовских отношений конца XV – первой трети XVI в. М., 1995. С. 107, 109–110, 128). В нач. XVI в. Литовская метрика называет князей Лукомских при дворе польского короля в числе королевских дворян. Упомянутый в «*Пописе дворян всих короля его милости у великом князстве*» 1509 г. королевский дворянин кн. Григорий Лукомский вел за собой в поход почт в 4 «коня»: РГАДА. Ф. 389. Литовская метрика. Оп. 1. Кн. 8. Л. 136об.

комский написаны вторым и третьим в списке великолуцких дворян, несших службу на Невеле в 122-м (1613/14) г. с воеводой Г. Волуевым⁴³. П. М. Лукомский отличился, возглавляя дворянскую сотню, при отражении 27 декабря 1614 г. нападения на Невель отряда полковника Кордацкого, когда «на приступе многих польских и литовских людей и немец побили и от города отбили, и знамена, и набаты, и литавры, и щиты, и приметы, и мосты, и всякие приступные запасы, и языки многие поимали»⁴⁴. По крайней мере, к 1619 г. П. М. Лукомский входил в число «четвертчиков» – элитарной категории городских дворян с окладом в 50 руб.⁴⁵ Второй сотенный голова Семен Мякинин в 1626 г. командовал сгоном «засевших» русскую землю литовских крестьян⁴⁶. Наконец, третий сотенный голова Никита Иванов сын Сумороков 6 мая 1614 г. приезжал в Москву из Невеля с сеунчем от воеводы Григория Волуева, который посылал ратных людей под литовский город Озеричи. За службу и сеунч Сумороков получил 5 руб. из Разряда да сукно доброе ценою в рубль 19 алт. из Казенного приказа⁴⁷. К 1619 г. Н. И. Сумороков входил в число «четвертчиков» – в расходной книге Устюжской четверти 128-го (1619/20) г. ему написан оклад в 23 руб.⁴⁸ Все трое голов уже в мае 1623 г. входили в число окладчиков служивших по Великим Лукам «городов»⁴⁹.

В поход на Невель всего луцкий воевода, если верить его отписке, выслал 400 из 439 имевшихся в его распоряжении перед войной и годных к полковой службе конных ратных людей (225

⁴³ РНБ ОР. Ф. IV. № 394. Л. 191.

⁴⁴ За боевые заслуги, головство и сеунч Лукомский вместе с другим сотенным головой Матвеем Обрютиным получили 28 января 1615 г. по сороку куниц добрых ценой по 10 руб., по 5 руб. за полагающуюся им камку да по серебряной чарке ценой в 3 руб.: Книга сеунчей 1613–1614 гг. // Памятники истории Восточной Европы. Источники XV–XVII вв. Т. I. М.–Варшава, 1993. С. 32.

⁴⁵ Приходно-расходные книги московских приказов 1619–1621 гг. С. 146.

⁴⁶ РГАДА. Ф. 210. Разряд. Столбцы Белгородского стола. № 14. Л. 51, 61

⁴⁷ Книга сеунчей 1613–1614 гг. С. 26.

⁴⁸ Приходно-расходные книги московских приказов 1619–1621 гг. С. 153.

⁴⁹ РГАДА. Ф. 210. Разряд. Дела десятиен. Кн. 19. Л. 1–3об.

дворян и детей боярских и 214 казаков), и всех луцких стрельцов⁵⁰. Если реальное число пошедших под Невель помещиков и казаков достигало 400 чел., то количество выступивших на службу всадников было несколько больше за счет холопов и казачьих пахолков: всего служилый «город» выводил с собой на службу 47 боевых холопов и 2 казачьих «малых», — все или большая часть из которых должны были участвовать в Невельской акции. Таким образом, сторожить Луки и луцкие заставы остались порядка 30 дворян и детей боярских и казаков, годных к полковой службе да 18 отставленных от полковой и записанных в городовую конную осадную службу дворян и детей боярских, преимущественно увечных старцев⁵¹. Однако, как показал последующий ход событий, какая-то часть стрельцов все-таки оставалась на Луках, следовательно в поход отправились не все 300 луцких стрельцов, а немного меньше.

Город Невель по взятии его в 1562 г. русскими войсками был отстроен Иваном Грозным, а после того как по Деулинскому перемирию 1618 г. отошел к Речи Посполитой, в 1623 г. получил от Сигизмунда III Магдебургское право и прилагающиеся к нему печать и герб, изображавшие Давида с мечом в руке, попирающего поверженного Голиафа. Описание Невельской крепости, составленное после взятия ее в 1632 г. русскими войсками, производит сильное впечатление: «в нем двое ворот: одни большие — в большой острог, а из ворот мост через ров, а на мосту подъем на чепях, другие ворота водяные к реке Емене. А на тех воротах баш-

ни высокие крыты тесом, да четыре башни глухие высокие крыты тесом. А на городе от большого острогу в двух пряслах стена на валу, тарасы рублены, насыпаны землю, а на тарасах стена рублена немного выше человека, крыта тесем. А с трех сторон около города — вода — обошла река Емена, а от воды вал невысок, а на валу рублены тарасы низкие, а в тарасах ставлен острог стоячей. Да к большому острогу ров, рвом вода пропущена из реки Емены в реку ж Емену, а в рову — чеснок. А ото рву к валу-городу чеснок дубовой стоячей бит в колоды. А от чесноку на валу к городу — надолбы еловые вертячие с сучьем двои в одне столбы, а мерою около города 280 сажень, да где бывал старой острог около всего по осыпи 466 сажень»⁵². Даже небольшой гарнизон при наличии припасов вполне мог отсидеться от большого войска, не имеющего артиллерии, осадной техники и специалистов, если только обладал волей к сопротивлению. Выступивший с Лук Великих отряд луцких ратных людей без пушек и пушкарей явно не предназначался для регулярной осады и штурма крепости.

События под Невелем развивались стремительно. Сотенные головы с дворянами, детьми боярскими и казаками подошли к городу 10 ноября в субботу и, видимо не рассчитывая на внезапность, встали в 2 верстах от города на пустоши Коплянкине, поджидая пеших стрельцов. От всех сотен на расстоянии полуверсты в сторону города была выставлена сводная ертаульная сотня во главе с ертаульными головами дворянами пусторжевцем Андреем Андреевым сыном Карауловым и лучанином Данилой Федоровым сыном Алексеевым⁵³ в количестве 40 всадников. Очевидно, разведав расположение русских отрядов и соблазнившись малочисленностью ертаула, вечером того же дня невяне во главе с ротмистром паном Побединским (ок. 60 чел.) вышли на вылазку и в сумерках атаковали русский ертаул. Однако их расчет на внезапность не оправдался: ертаул А. Караулова встретил польско-литовский отряд во всеоружии: «с литовскими людьми учал битца и литовских людей побили, а достальных в острог втоптали и с ними смешався, в острог въехали»⁵⁴.

⁵⁰ Разрядная книга показывает на сентябрь 1632 г. на Луках Великих 242 дворянина и сына боярских, атамана и 214 казаков, 3 сотника и 300 рядовых стрельцов, пушкарей, затынщиков, воротников, казенных плотников и кузнецов — 54 чел. (Разрядная книга 141 г. // Книги разрядные... Стб. 720—752). — Однако в числе помещиков здесь посчитаны дворяне и дети боярские, отставленные от полковой конной службы «за старостью и увечьем». См. уточненную численность луцких ратных людей в нашей статье: Малов А. «Конность, людность и оружность» служилого «города» перед Смоленской войной. На материале Великих Лук // Военно-исторический журнал «Цейхгауз». Вып. 18. 2002. № 2. С. 12—15.

⁵¹ Из числа оставшихся на Луках дворян и детей боярских следует вычесть четверых голов, возглавивших набег, и трех стрелецких сотников, которые также должны были выступить со своим приказом.

⁵² РК 139—142 гг. Стб. 457.

⁵³ В 122-м (1613/14) г. Д.Ф. Алексеев был в отряде воеводы Г. Волуева на Невеле: РНБ ОР. Ф. IV. № 394. Л. 195.

⁵⁴ РГАДА. Ф. 210. Разряд. Столбцы Новгородского стола. № 25. Л. 2.

Служба в ертаульной или «подъездной» («подъезжей») сотне считалась почетной — «честной». Ертаул первым встречал противника, врвался во вражеские города, ему доставалась лучшая добыча. «Честнее» ертаульной была лишь служба в выборной сотне, но у городских воевод таких сотен не бывало. Несмотря на большой риск, здесь служили представители лучших родов городских служилых корпораций. Когда ертаул был сводным, как в данном случае, в него попадали лучшие бойцы. Сам А. Караулов в ходе этого боя взял в языках шляхтича Петра Труновича. Другой ертаульный голова Д. Алексеев в бою убил двух литвинов. Уже дважды сражавшийся в этой войне с литовцами во главе русской заставы знакомый нам луцкий дворянин Алексей Дубровин в ходе ночной сечи зарубил двух литвинов и третьего «ссек» уже на подъемном мосту у городских ворот «и был первой человек у городских ворот»⁵⁵. Там же на мосту у городских ворот срубил своего третьего литвина луцкий дворянин ертаульной сотни Григорий Матвеев сын Обрютин⁵⁶. Лучанин Иван Самсонов сын Пушин⁵⁷, убив одного литвина, «на другога приехал с саблею к городскому мосту», но тут в сече, когда «рубился с литвином у городского моста», сам был ранен: «у правой руки перст отсечен саблею, а у другога перста жила надсечена»⁵⁸. Но похоже, его ранение стало единственной потерей со стороны русского отряда за всю невельскую операцию.

Пока ертаул рубился с отрядом ротмистра Побединского и вгоняли литву в городские ворота, сотни П. Лукомского с товарищами и подошедшим приказом луцких стрельцов изготовились к бою и успели к городу вовремя, когда ертаул «въехал» в невельские ворота, расчистив путь луцкому отряду: «А как он (ертаульный голова А. Караулов — А. М.), смешався с литовски-

⁵⁵ РГАДА. Ф. 210. Разряд. Столбцы Новгородского стола. № 25. Л. 328.

⁵⁶ Там же. Л. 310—311.

⁵⁷ В 122-м (1613/14) г. И. С. Пушин был в отряде воеводы Г. Волуева на Невеле, см.: РНБ ОР. Ф. IV. № 394. Л. 193.

⁵⁸ Там же. Столбцы Новгородского стола. № 25. Л. 55—56. По памяти из Разряда от 18 декабря 1632 г. он получил «за Невельскую службу и за рану» в Устюжской чети 5 руб. «придаточных денег» к 13 рублям его оклада: РГАДА. Ф. 141. Приказные дела старых лет. Оп. 1. 1631 г. № 77. Ч. I. Л. 202.

ми людьми, в острог въехал, и в те де поры головы с сотнями к нему в острог поспешили и с ними де в остроге литовские люди конные и пешие бились, и они де литовских людей из большого острогу вбили в верхней городок и в верхнем городке литовских людей осадили, а большой острог взяли, и в дороге и в остроге литовских многих людей побили и в языцах поимали»⁵⁹. Ворвавшись в крепость на плечах бежавших всадников, луцкие сотни, обладая подавляющим численным превосходством, теперь не оставили защитникам никакого шанса отбить город. Внутри невельского острога, «как был бой, и приступали к городу», отличился сын первого сотенного головы лучанин новик Михаил Лукомский, убивший двух литвинов⁶⁰. Ночной бой превратился в избиение немногочисленных защитников крепости⁶¹. Но в сутолоке ночной паники командование крепости и городские власти с немногими людьми успели затвориться в верхнем городке.

Всего при взятии невельского острога нам встретились указания на 14 убитых в бою «литвинов» или «мужиков»⁶². На бою ратные люди луцкого отряда взяли в плен 22 чел.: 9 шляхтичей и 13 казаков и прочих людей⁶³. 11 ноября на Луки к воеводе с сеунчем и 20 пленными («а иных воеводы у себя оставили») был отпущен главный «виновник» успеха этого дня ертаульный голова Андрей Караулов⁶⁴. А головы Петр Лукомский с товарищами и с ратными людьми, отпустя сеунщика, «большого острогу убавили, а сделали малой острог для изгонных людей, и, укрепяся они в острожке, учили над городом над Невлем промышлять: щиты кругом всего города поставили и учили литовских людей зговаривать и сказали им милостивое слово ...»⁶⁵.

⁵⁹ РГАДА. Ф. 210. Разряд. Столбцы Новгородского стола. № 25. Л. 3.

⁶⁰ Там же. Л. 578.

⁶¹ Дело в том, что значительная часть польско-литовских ратных людей невельского повета находилась в волостях, собираясь сами напасть на Луцкий у.

⁶² Следует учесть, что под термином «мужик» в данном случае понимается любой взрослый человек мужского пола с оружием в руках, а под словом «убил» или «ссек» следует понимать — поразил, вывел из строя.

⁶³ РГАДА. Ф. 210. Разряд. Столбцы Новгородского стола. № 25. Л. 14—19.

⁶⁴ Там же. Столбцы Московского стола. № 163. Л. 39—40.

⁶⁵ Там же. Столбцы Новгородского стола. № 25. Л. 6.

Об общей численности невелинского гарнизона воевода П. Репнин и посланные им головы очевидно имели вполне достоверные и точные сведения, но мы этими данными не располагаем. Документы сообщают лишь о численности защитников крепости, оставшихся после ночного боя в распоряжении коменданта «немчина» капитана Петра Муравицкого, но сообщения эти требуют подробного разбора. Русские головы уже после занятия Невеля писали о 300 ратных людях, которыми располагал комендант в малом городке, явно завышая численность противника⁶⁶. Взятые на бою языки при распросе их на Луках сообщили воеводе удивительно точные и согласные друг с другом сведения о силах П. Муравицкого: 3 шляхтича, 30 литовских и русских казаков, 30 гайдуков, 60 посадских, 3 полоторных пищали, 3 полковых пищали, 3 небольших бочки пороха и 20 затинных пищалей⁶⁷.

Однако полностью довериться этим сведениям невозможно. Взятые на бою во время ночной сечи еще на подступах к городу шляхтичи просто не могли знать того, сколько людей успеет засесть с комендантом в осаду после взятия большой старой крепости. Если количество названных «языками» посадских, судя по всему, было близко к общему числу боеспособного мужского населения невелинского посада⁶⁸, то число шляхтичей (3 чел.) представляется совершенно выдуманным. Известны участвовавшие с литовской стороны в переговорах два пана, ротмистр Побединский, возглавивший неудачную вылазку, которого не отмечено ни среди убитых, ни среди пленных, а в декабре в Москве получал жалованье «невелинский выходец» шляхтич Матвей Савостьянов сын Ласовицкий, выехавший в Россию вместе с ротмистром Василием Обруцким⁶⁹. Даже количество поименно известных шляхтичей, которые находились или должны были находиться с немецким капитаном, превосходят указанное пленными шляхтичами число.

⁶⁶ РГАДА. Ф. 210. Разряд. Столбцы Новгородского стола. № 25. Л. 8.

⁶⁷ Там же. Л. 14–16.

⁶⁸ Роспись города, принятого русским воеводой Михаилом Плещевым, насчитывала 2 подьячих, 8 пушкарей, 4 воротника, 2 казенных (воротников (?), кузнец, плотник, 3 рассыльщика, 56 чел. невян посадских с детьми, братьями и захребетниками: РК 139–142 гг. Стб. 456.

⁶⁹ РГАДА. Ф. 210. Разряд. Столбцы Новгородского стола. № 25. Л. 59.

Предложив осажденным переговоры, головы дали «в заклад» знатных городских дворян невянина Федора Петрова сына Лодыженского⁷⁰ и лучан Петра Петрова сына Караулова и Григория Матвеева сына Обрютина⁷¹, в ответ капитан П. Муравицкий выслал для ведения переговоров панов Бурновского и Обруцкого и невелинского «бурмистра» Григория Семенова сына Радецкого, русское прозвище Коваль. Осажденным была предложена почетная капитуляция: «которые похотят в Литву, и тех отпустят со всеми их животы». Протекали переговоры успешно, и в среду 14 ноября паны присягнули головам в сдаче на следующий день города на предложенных им условиях, а головы «целовали крест» в соблюдении оных⁷². Невельский бургомистр Радецкий-Коваль остался в Невеле «на Государево имя» и, как можно предположить из упоминания им в его позднейшей челобитной своих заслуг «под Невлем городом», в немалой степени способствовал успеху переговоров⁷³. Бывшие в заложниках дворяне тоже не теряли даром времени и «в те поры, будучи в городе, литовских и русских всяких людей перезывали на Государево имя»⁷⁴. В этом же направлении действовал шляхтич Григорий Чижевский, лишь теперь открыто перешедший на сторону Москвы и приехавший к П. Лукомскому в Невель: «послыша под Невлем твоих Государевых ратных людей, хотя тебе, праведному Государю, служить, в Литву не поехал, — приехал под Невль к головам к Петру Лукомскому с товарищи, а в Невле сидят в осаде; и под Невлем тебе, Государю, крест целовал; и з дворяны, пришед под город, невелиских людей под твою царскую высокую руку зговаривал»⁷⁵. По приказу голов в «перезывании» на Государево имя невели-

⁷⁰ Ф. П. Лодыженский написан в «четвертиках» в расходной книге Устюжской четверти 128-го (1619/20) г. с окладом в 15 руб.: Приходно-расходные книги московских приказов 1619–1621 гг. С. 157.

⁷¹ По разбору 139-го (1630/31) г. оклады заложников составляли: Ф. П. Лодыженский — 550 чети земли и 23 руб. из Чети, П. П. Караулов — 450 чети земли и 12 руб. по городскому списку, Г. М. Обрютин — 300 чети земли и 9 руб. с «городом»: РГАДА. Ф. 210. Разряд. Дела десятен. Кн. 28. Л. 14об., 18–18об., 96.

⁷² РГАДА. Ф. 210. Разряд. Столбцы Новгородского стола. № 25. Л. 7.

⁷³ Там же. Л. 158.

⁷⁴ Там же. Л. 7.

⁷⁵ Там же. Л. 349.

ских казаков участвовали уже известные нам луцкие лазутчики и вожи стрелец Яков Бурков и казак Василий Строкин, по роду «службы» имевшие в городе много знакомых⁷⁶.

В итоге всех этих действий, согласно достигнутой договоренности, 15 ноября в четверг комендант сдал город и уехал в Литву «не со многими людьми, которые сами в Литву похотели», дав им сопровождение до рубежа⁷⁷. Отличившихся в бою Петра Караулова и Михаила Лукомского головы послали через Луки в столицу с сеунчем⁷⁸. Всех, кто пожелал остаться на Государево имя, луцкий воевода выслал в Москву. Таковых набралось во главе с ротмистром Василием Обруцким⁷⁹ 68 воинов — польских и литовских людей и русских казаков и 216 человек членов их семей, всего 284 человека⁸⁰. Именная роспись выехавших на Государево имя от 15 ноября 1632 г. помимо неучтенного бургомистра Григория Коваля — Радецкого и ротмистра Василия Обруцкого содержит имена 69 воинов: 28 человек роты Обруцкого, 27 русских казаков во главе с атаманом Ильей Девкиным, трех пушкарей и 11 мещан⁸¹. Из 22 взятых на бою языков лишь три шляхтича пожелали сохранить статус военнопленных и были доставлены на Луки Великие⁸², остальные же — казаки — перешли на русскую службу, целовав крест Великому Государю.

За все время операции по овладению Невелем отряд литовцев, действующий в волостях Невельского уезда, возможно в силу своей малочисленности, ни разу не предпринял попытки помочь осажденным. Однако воспользовавшись ситуацией, когда почти все наличные ратные люди луцкого воеводы стояли под Невелем, «литва» совершила набег на земли Луцкого уезда. В то время как П. Лукомский с товарищами и ратными людьми праздновали взятие большой невелинской крепости, 11 ноября П. Репнин узнал,

⁷⁶ РГАДА. Ф. 210. Разряд. Столбцы Новгородского стола. № 25. Л. 340.

⁷⁷ Там же. Л. 8.

⁷⁸ Там же. Столбцы Московского стола. № 163. Л. 40—41.

⁷⁹ 17 декабря 1632 г. невелинский «здатчик» ротмистр Василий Обруцкий получил жалованье в Казенном приказе, см.: РГАДА. Ф. 396. Архив Оружейной палаты. Оп. 2. Кн. 288. Л. 154—156, 222—224об.

⁸⁰ Там же. Ф. 210. Разряд. Столбцы Московского стола. № 163. Л. 36.

⁸¹ Там же. Столбцы Новгородского стола. № 72. Л. 128—132а.

⁸² Там же. Столбцы Московского стола. № 163. Л. 53.

что «невелинская литва», собравшись в Пуповском стане и Рябском десятке Невельского у. и уверенная в собственной безнаказанности, приходила в Луцкий у. в дер. Курово и «крестьян повоевали»⁸³.

В условиях отсутствия достаточного количества ратных людей воевода, собрав всех имевшихся на Луках дворян, детей боярских, казаков и стрельцов, призвал население луцкого посада⁸⁴ к добровольному участию в отражении врага. На вооружении все эти служилые и «всякие жилицкие люди» имели пищали, копья, рогатины и бердыши — в подавляющем большинстве своем по одному экземпляру оружия на «мужика», но ограниченное количество добровольцев горожане могли экипировать весьма недурно. Неслужилое население Лук Великих, памятуя, что большая часть деревень уезда после Смуты вплоть до описываемых событий лежало «от литовских людей войны пусто», откликнулось на призыв воеводы и под командованием голов невялян Юрия Иванова сына Житкова⁸⁵ и отставного Ивана Алексея сына Деденева («стар и от ран увечен и хром»)⁸⁶ составило, надо полагать,

⁸³ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 25. Л. 32.

⁸⁴ На Луках, согласно разрядной книге 140-го г., помимо помещиков, казаков и стрельцов, несущих полковую службу, на весну 1632 г. проживало мужского боеспособного населения: 42 помещика, записанных в городскую осадную службу и которые у приказных дел, казачьей родни и захребетников — 51 чел., 21 отставной стрелец, 95 стрелецких детей, братьев, племянников и захребетников, да пушкарей, воротников и рассыльщиков — 54 чел. и 15 их родственников, 10 ямщиков да 7 ямщицких бобылей, да 166 посадских людей с их родней: РК 140 г. Стб. 660—690.

⁸⁵ Невлянин Ю. И. Житкой 22 февраля 1620 г. расписался в Устюжской четверти за лучанина Петра Красного в получении им денежного жалованья на луцких ратных людей (Приходно-расходные книги московских приказов 1619—1621 гг. С. 220). При разборе 139-го (1630/31) г. в десятне ему был записан оклад в 600 чети земли и 20 руб. из Чети: РГАДА. Ф. 210. Разряд. Дела десятиен. Кн 28. Л. 94об.

⁸⁶ И. А. Деденев записан в расходной книге Устюжской четверти 128-го (1619/20) г. с окладом в 8 руб. (Приходно-расходные книги московских приказов 1619—1621 гг. С. 161). При разборе 139-го (1630/31) г. он был записан с отставными — «а служить им Государеву городскую осадную службу на конех и на меринах», — с окладом в 400 четей земли и 8 руб. из Чети: РГАДА. Ф. 210. Разряд. Дела десятиен. Кн 28. Л. 108об.

основную часть их отряда. Выступив с Лук 12 ноября, Житкой и Деденев с оставшимися помещиками, казаками, стрельцами и со «всякими охочими вольными людьми», решили накрыть разбойное гнездо, почему сразу двинулись по известному «адресу» в Рязбский десяток Невельского у. Празднующих удачный набег литовцев «сошли» в дер. Кротове, где и разгромили: «побили и в языцах поимали», но языки от ран померли, кроме одного «Блюмберкова урядника»⁸⁷. В результате этой акции отряд Ю. Житкова привез на Луки «урядника» шляхтича Григория Иванова сына Голинского со всем его семейством (жена курляндская немка и трое детей)⁸⁸.

Уже после капитуляции последних защитников невелинского замка к П. Лукомскому с товарищами, не заходя на Луки, подошло подкрепление из Торопца⁸⁹. Первый невелинский сеунщик А. Караулов был отпущен П. Репниным с Лук Великих к Москве в ночь с 12 на 13 ноября и, отъехав от города 15 верст, встретил спешащий на помощь отряд торопчан. Торопецкая «посылка» под командой двух голов состояла из 130 дворян и детей боярских и 100 торопецких стрельцов⁹⁰. Несколько позже царский указ регламентировал службу торопчан, которым надлежало быть на Невеле по 100 чел. переменяясь через 2 месяца⁹¹.

По взятии Невеля головы П. Лукомский с товарищами и со всеми ратными людьми описывали, обустроивали, и чинили крепость и город. Роспись взятого города учла 56 посадских людей, 3 медные полуторные пищали калибром в 6 гривенок ядро и одна — в гривенку с третью, 3 пищали скорострельных и 3 железных — по полугривенке ядро, железную и 2 медных пищали — в четь гривенки ядро, железный дробовый тюфяк «со вкладнем», 25 затинных пищалей, к пищалям нашлось всего 1115

⁸⁷ РГАДА. Ф. 210. Разряд. Столбцы Новгородского стола. № 25. Л. 32–33, 469–470, 563–564; Столбцы Московского стола. № 163. Л. 52–53.

⁸⁸ Там же. Столбцы Новгородского стола. № 25. Л. 36, 38.

⁸⁹ П. Репнин в отписке в Разряд писал: «А торопецкие ратные люди до тех мест покаместа Невль от литовских людей очистился, на Невль не бывали, а встречались с ними дорогою — едут на Невль немногие люди», — РГАДА. Ф. 210. Разряд. Столбцы Новгородского стола. № 25. Л. 9.

⁹⁰ Там же. Л. 4.

⁹¹ РК 139–142 гг. Т. 2. 1855. Стб. 457.

ядер к перечисленным пушкам разных калибров (по 2,5, по 2 и по 1,5 гривенки ядро), а также 60 более крупных ядер (по 20 и по 18 гривенок) да 3 пуда дроби, 24 пуда пушечного пороха и пуд свинца⁹². Весь наряд, пушечные и хлебные запасы оставались государевым ратным людям, им же достались трофеи — знамена и барабаны, которые П. Репнин переслал в Москву⁹³.

До назначения в Невель государева воеводы его обязанности в полной мере легли на плечи первого головы П. Лукомского. Помимо приведения в порядок крепости и города он должен был организовать разведку. Привлекая целовавшее крест царю местное население, П. Лукомский послал с невелискими вожами Турманом Мартыновым, Захаром Сергеевым и Федором Емельяновым сотенных голов с поместной конницей, придав им казаков и стрелецкого пятидесятника со стрельцами «для языков» в Озерецкую волость⁹⁴. После их возвращения с теми же невелискими вожами отправил луцкого лазутчика казака Василия Строкина с его товарищами в Полоцкий повет на Турично⁹⁵. Обе посылки оказались успешны: государевы ратные люди не только языков «поимали», но и литовских людей «побили», вернувшись без потерь.

Бравшие Невель головы сотенные Семен Мякинин и Никита Сумороков и стрелецкий Григорий Чириков вернулись на Луки с ратными людьми 19 ноября, оставив половину войска на Невеле в распоряжении первого головы Петра Лукомского и приведя с собой трех пленных шляхтичей⁹⁶. Но в тот же день, только что приехавший с Невеля один из героев невелинского «взятия» Алексей Дубровин вновь был вынужден скакать на заставу в дер. Городенец Окольского пригубка с атаманом Еремой Соломыковым и казаками для отражения очередного нападения ротмистра пана Грибовского. В этом бою из пищали тяжело ранили казака Григория Андреева сына Хохлова: «правая рука пробита»⁹⁷.

⁹² РГАДА. Ф. 210. Разряд. Столбцы Московского стола. № 163. Л. 37–38.

⁹³ Там же. Столбцы Новгородского стола. № 25. Л. 372.

⁹⁴ Там же. Столбцы Новгородского стола. № 25. Л. 274.

⁹⁵ Там же. Столбцы Новгородского стола. № 25. Л. 275.

⁹⁶ Там же. Столбцы Московского стола. № 163. Л. 53; Столбцы Новгородского стола. № 25. Л. 33.

⁹⁷ Вероятно, рана воспалилась, почему и позже казак «на Луках от тое раны лежит болен»: там же. Л. 219, 220.

Наступление зимнего сезона вносило свои коррективы в ход и характер военных действий: многочисленные в этом регионе водные преграды превращались в удобные дороги, а по непроходимым болотам открывались многочисленные зимники. В то же время и возможности местного населения укрыться в лесу в зимнюю пору резко уменьшались. Указанные обстоятельства разжигали воинственность и служебное рвение ратных людей с обеих сторон, маня предвкушением сравнительно легкой и обильной добычи. Для воевод же и крестьян наступало горячее время.

Лучший способ сохранить от разорения свою землю — нанести удар на опережение. Но для этого требуется своевременная информация, и в данном деле лучшие информаторы — местные крестьяне. 27 ноября П. Лукомский, узнав о концентрации уже приходивших «войной» в Невельский у. литовцев в «полотцком пригороде» на оз. Нещедре (Нещерде), в тот же день послал «на збор польских и литовских людей» невянина Константина Семенова сына Деденева⁹⁸ с дворянами и детьми боярскими, придав ему есаула с казаками и стрелецкого сотника со стрельцами⁹⁹. К. Деденев с ратными людьми, придя на Нещедро, литву побили и взяли языков, после чего атаковали, взяли и выжгли посад на Нещедре. На бою отличился невянин Артемий Литвинов сын Лодыженский, убивший двух литвинов, но и сам был дважды тяжело ранен из пищали «в ягодицу да пониже глаза», от чего на Невеле надолго слег¹⁰⁰.

Следом за Полоцким направлением был нанесен удар на Усвят, куда луцкий воевода 3 декабря 1632 г. направил голов Семена Мякинина с товарищами с сотнями дворян, детей боярских и казаков, усиленных луцкими стрельцами. Государевы ратные люди подошли под самый город, где бились с вышедшими на вылазку польско-литовскими войсками, приведя на Луки пленных¹⁰¹. В

⁹⁸ В расходной книге Устюжской четверти 128-го (1619/20) г. невянину К. С. Деденеву был записан оклад в 15 руб.: Приходно-расходные книги московских приказов 1619–1621 гг. С. 157.

⁹⁹ РГАДА. Ф. 210. Разряд. Столбцы Московского стола. № 163. Л. 54; Столбцы Новгородского стола. № 25. Л. 530, 564.

¹⁰⁰ Там же. Столбцы Новгородского стола. № 25. Л. 529–530; его брат Семен в этом бою также убил одного литвина: там же. Столбцы Новгородского стола. № 25. Л. 172.

¹⁰¹ Там же. Столбцы Московского стола. № 163. Л. 54–55.

ответ 5 декабря большой отряд с Усвята шляхтича Астафья Киркорова вторгся в Луцкий у. и «повоевал» поместья в Плавеецкой и Жижецкой волостях. П. Репнин, не успев предотвратить или перехватить литовский набег, собрал и в тот же день выслал по следам Киркорова под Усвят сильную «посылку» во главе с лучанами Семеном Мякининым, Матвеем Сергеевым сыном Обрютиным¹⁰² и Алексеем Афанасьевым сыном Тыртовым¹⁰³ с дворянами и детьми боярскими, а также казачьего голову лучанина Григория Гаврилова сына Хомутова, атамана Еремея Соломыкова и двух есаулов с казаками, да двух стрелецких сотников пусторжевцев Данила Иванова сына Брылкина и Григория Девятова сына Шатилова со стрельцами с неопределенным наказом в отношении поляков и литвы: «битца и над ними промышлять»¹⁰⁴. Судя по представительности, С. Мякинин повел на Усвят почти всех оставшихся на Луках после взятия Невеля ратных людей полковой службы. Луцкие сотни подошли под Усвят 6 декабря и сходу ворвались в ничего не подозревавший усвятский посад, где прежде, чем усвятцы успели укрыться в крепости, «многих польских и литовских людей побили и языки поимали». Но повторить невелицкий успех не удалось, хотя русские всадники прорубились до самых крепостных ворот, где невянин Юрий Житкой убил литвина у самого «подъема» — подъемного моста¹⁰⁵. Отсутствие четко поставленной цели перед отрядом С. Мякинина и правильные действия вкуче с организованным сопротивлением местных служилых людей и мещан минимизировало потери от атаки русских сотен: «иные литовские служилые и посадские люди ушли в город и посад выжгли», а из крепости польские и литовские гайдуки и выбранцы¹⁰⁶ совершили вылазку. Под Усвятом луцкие ратные люди простояли 5 дней, сражаясь с польско-литовской пехотой, кото-

¹⁰² 28 января 1615 г. М. С. Обрютин вместе с лучанином П. М. Лукомским получил жалованье за службу, головство и сеунч об отражении от Невеля полковника Кордацкого 27 декабря 1614 г. (см. об этом подробнее выше): Книга сеунчей 1613–1619 гг. С. 32.

¹⁰³ В 122-м (1613/14) г. М. С. Обрютин и А. А. Тыртов были на службе в отряде воеводы Г. Волуева на Невеле, см.: Л. 191об., 192.

¹⁰⁴ РГАДА. Ф. 210. Разряд. Столбцы Новгородского стола. № 25. Л. 93.

¹⁰⁵ Там же. Столбцы Новгородского стола. № 25. Л. 468.

¹⁰⁶ Польско-литовские поселенные солдаты.

рая «на вывозку вывозили многижды», после чего без потерь вернулись на Луки¹⁰⁷. В качестве трофеев привели с собой четырех пленных литвинов, взятых на Усвятском посаде пусторжевцем кн. Аксентием Тимофеевым сыном Шеховским, боевым холопом пусторжевца Якова Григорьева сына Щербина Гришкой Михайловым да казаками Яковом Вавиловым и Якимом Ивановым¹⁰⁸.

Оправдания П. Репнина ввиду низкой результативности набега показывают ограниченные возможности воеводы по организации активных и масштабных военных действий в его регионе: «около города Усвята — крепости, и без наряду никакова промысла над ним учинить нельзя и зажечь города нечем — запасов приступных никаких на Луках нет, а наряду под Усвят я без твоего Государева указу послать не смел, да и послати не с кем: твои Государевы ратные люди на Невле и в Пожоском острожке, и на Луках Великих на городе и по слободам у надолоб по короулам денно и ночью, а без прибылых твоих ратных людей мне над литовскими городами промышлять не с кем»¹⁰⁹. Действительно, население литовских земель по численности и плотности превосходило соседние русские земли, тем более запустевшие во времена Смуты, но в силу высоких мобилизационных возможностей самодержавия русским воеводам удавалось, обладая несравнимо меньшими людскими и экономическими ресурсами, в конкретном месте в определенный момент достичь перевеса сил над противником. Таким образом, к началу войны русские воеводы смогли сосредоточить в своих руках более крупные воинские контингенты, чем их потенциальный противник. Это отметил и П. Репнин, которому после взятия Невеля пришлось свое луцкое войско разделить с Невелем: «и по язычным распросным речам, над литовскими городами, как будут твои прибыльные Государевы ратные люди, промышлять мошно»¹¹⁰.

Колпинский бой

Не успели луцкие ратные люди С. Мякинина вернуться 12 декабря на Луки, как 14 числа на Луках стало известно о при-

¹⁰⁷ РГАДА. Ф. 210. Разряд. Столбцы Московского стола. № 163. Л. 56; Столбцы Новгородского стола. № 25. Л. 94–95.

¹⁰⁸ Там же. Столбцы Новгородского стола. № 25. Л. 568–570.

¹⁰⁹ Там же. Л. 95.

¹¹⁰ Там же. Л. 95–96.

ходе из Полоцка ротмистра Яна Вронского с товарищами и с «конными и пешими многими людьми» в Рябский десяток и на оз. Ушо в Невельском у., где они «крестьян воевали, и побивали, и в полон поимали»¹¹¹. Голова П. Лукомский, не имея в своем распоряжении достаточно сил для противодействия полоцкому отряду, мог лишь собирать сведения о движении поляков и литвы, информируя П. Репнина на Луках. П. Репнин, получив 14 декабря вести о разорении отрядом Вронского Невельского у. и движении его в Пусторжевские и Луцкие волости, в тот же день выслал против полоцкого войска С. Мякинина и Г. Обрютина с дворянами и детьми боярскими да с ними же послал голову казачьего Г. Хомутова с казаками.

По зимнему следу конная луцкая погоня уже на следующий день 15 декабря догнала за 90 верст от Лук Великих в Колпинской волости Полоцкого повета на оз. Колпино¹¹² возвращавшийся домой отяжелевший от награбленного полоцкий отряд, но эффекта внезапности, видимо, не получилось. Силы противников были если не равны, то примерно близки по численности: судя по составу пленной шляхты и литвы, в набеге в составе сводных хорунг приняли участие едва не все имевшиеся налицо полоцкие ратные люди. В то же время отсутствие в отряде С. Мякинина, — в отличие от противника — пехоты (стрельцов) свидетельствует в пользу того, что луцкая «посылка» превосходила по численности польско-литовский отряд. Бой носил упорный и ожесточенный характер и в начале, судя по всему, принес успех польско-литовской стороне, но в скоротечной конной схватке фортуна переменялась, отдав убедительную победу в руки русских ратников.

Роспись пленных и описания характера и тяжести ранений позволяют предположительно реконструировать ход боя на Колпинском озере. Судя по доминированию у раненых русских всадников сабельных ран, рубились на озере конница с конницей. Но в то же время наличие у русских существенного числа огнестрельных ран и присутствие среди пленных по-

¹¹¹ РГАДА. Ф. 210. Разряд. Столбцы Новгородского стола. № 25. Л. 291.

¹¹² Сейчас одноименное озеро на юго-западе Псковской области, во второй половине XVI в. и в XVII в. Колпинская волость входила в состав Полоцкого повета: Писцовые книги ... С. 482–483, 492–493, 497–498.

меньшей мере одного пехотинца — «выбранца» говорит о том, что польско-литовская пехота все же приняла участие в бою. В свете вышеизложенного канва событий в Колпинской волости видится нам следующим образом.

Бывалые луцкие казаки, ведомые казачьим головой Г. Хомутовым и атаманом Е. Соломыковым, составляли в отряде С. Мякинина ертаул, который и атаковал первым противника (подавляющее большинство раненых — луцкие казаки). Атаку казаков встретила огнем польско-литовская пехота, которая после залпа уступила место контратаке не менее двух шляхетско-казачьих хорунг Я. Вронского и Кухарского. В ходе первого же столкновения казаки остались без командиров: казачьего голову тяжело ранили из пищали¹¹³, а атамана в отчаянной рубке, где он зарубил двух литвинов, «секли саблями по щеке и по голове в трех местах» да под ним же убили коня, после чего взяли в плен¹¹⁴. Кроме казачьих головы и атамана в ходе боя раны различной степени тяжести получили 9 казаков и лишь 3 лучан¹¹⁵. Именно в самый разгар рубки прежде, чем казаки будут опрокинуты, и должны были ударить две дворянские сотни С. Мякинина и Г. Обрютина, чтобы решить исход сечи в свою пользу. Удар пришелся видимо во фланг, а может быть и в тыл втянувшейся в бой главной хорунги Вронского (почти все плененные сражались под его хоруговь). Предложенное прочтение событий, как представляется, может объяснить почему именно хорунга Вронского была разгромлена «наголову», а хорунга Кухарского и, вероятно, пехота ретировались с поля боя, почти не пострадав. В результате этой атаки был освобожден плененный раненый луцкий атаман Е. Соломыков и в свою очередь пленена значительная часть хорунги Я. Вронского.

В ходе боя отряд С. Мякинина пленил всего 37 чел.¹¹⁶, в т. ч. кормовой луцкий казак Семен Овечкин взял самого командира польско-литовского войска ротмистра Я. Вронского, голова Г. Обрютин — его хорунжего Яна Водорацкого с хоруговью вое-

¹¹³ РГАДА. Ф. 210. Разряд. Столбцы Новгородского стола. № 25. Л. 369–371.

¹¹⁴ Там же. Л. 384–386, 391.

¹¹⁵ Там же. Л. 374–381, 394–397, 506–510; № 34. Л. 36–40; № 34. Л. 36–40.

¹¹⁶ Из них на Луках Великих трое умерли от ран.

воды полоцкого Яна Кишки, а лучанин Иван Великопольский¹¹⁷ — писаря полоцкого воеводы Христофора Курчу. Среди взятых на бою трофеев названы 3 хоругви и барабаны¹¹⁸. В послужных списках по два убитых на бою литвина помимо атамана Е. Соломыкова значится у лучан Матвея Петрова сына Низовцева¹¹⁹ и Никиты Афанасьева сына Шмойлова¹²⁰ да невлианина Юрия Иванова сына Житкова¹²¹. С сеунчем в Москву отправили отличившихся в бою лучан Алексея Буславова сына Бибикова¹²² и Григория Обрютина¹²³.

Заслуги луцкого воеводы и подчиненных ему ратных людей были по достоинству оценены царем и патриархом. За взятие Невеля и Колпинский бой на Луки был прислан стряпчий Федор Племянников с «Государским жалованным словом» и с наградными золотыми, которые он и вручил луцким служилым людям: воеводе Петру Репнину — золотой в три золотых угорских, двум головам — по золотому угорскому, шести головам — по золотому в пол-угорского золотого, трем головам — по золотому в четверть угорского золотого, дворянам и детям боярским, стрелецким сотникам и казачьему атаману — по золотой деньге, 614-ти есаулам, казакам и стрельцам — по золоченой новгородке¹²⁴.

¹¹⁷ В первой трети XVII века по невелискому списку служили два Ивана Великопольских — Иван Григорьев сын и Иван Десятово сын (РГАДА. Ф. 210. Разряд. Дела десятен. Кн. 28. Л. 22.). В 122-м (1613/14) г. на службе в отряде Г. Волуева на Невеле называется один Иван Великопольский: ОР РНБ. Ф. IV. № 394. Л. 199.

¹¹⁸ РГАДА. Ф. 210. Разряд. Столбцы Новгородского стола. № 25. Л. 283–298, 309, 312, 397, 471–472.

¹¹⁹ В 122-м (1613/14) г. М. П. Низовцев был на службе в отряде Г. Волуева на Невеле, см.: ОР РНБ. Ф. IV. № 394. Л. 201.

¹²⁰ В 122-м (1613/14) г. М. А. Шмойлов был записан в дворовый список с недорослями, которые не успели в службу. Там же. Л. 202.

¹²¹ РГАДА. Ф. 210. Разряд. Столбцы Новгородского стола. № 25. Л. 252–253, 255–256, 397, 472. Одного литвина в бою убил лучанин Михаил Иванов сын Борисов. Там же. № 316. Л. 195.

¹²² В 122-м (1613/14) г. А. Б. Бибилов был на службе в отряде Г. Волуева на Невеле, см.: ОР РНБ. Ф. IV. № 394. Л. 192.

¹²³ РГАДА. Ф. 210. Разряд. Столбцы Московского стола. № 163. Л. 42–43.

¹²⁴ Там же. Л. 44–45.

Великие Луки в «малой» войне

После сражения на Колпинском озере полоцкая шляхта на какое-то время присмирела, накапливая силы, а Невель, Луки Великие и Торопец сосредоточились на противоборстве с польско-литовской шляхтой и литвой Велижского уезда. 1 января 1633 г. П. Репнин посылал голову казачьего Юрия Житкова с казаками на ротмистра Рога, пустошившего Жижецкую волость Луцкого у., и Житкой догнал ромистра за 20 верст от Усвята, где казаки разбили литовцев, приведя на Луки пленных¹²⁵. В тот же день в Часопский стан Невельского у. «войной» приходили литовские крестьяне, на ловлю которых был отправлен стрелецкий сотник Григорий Шатилов со стрельцами. Стрельцы «сошли» литву на р. Комле, разбили и на бою взяли 11 «мужиков»¹²⁶. Взятые пленными «язычки» просили отдать взятых мужиков им, на что было государево пожалование: «будет те мужики пашенные, а не шляхта и не служивой люд — к Москве тех мужиков не присылать, а отдать тех мужиков тем людом, которые их имали»¹²⁷.

По оперативной информации 14 января П. Репнин нанес удар по собиравшим силы в Невельском у. литовцам. Стрелецкий сотник Григорий Шатилов с луцкими стрельцами пришли в Часопский стан, где на Комше (реке Комле — ?) захватили противника врасплох, разгромили и привели на Луки 12 языков¹²⁸. Несмотря на успешный удар на опережение предотвратить нападения литовцев все же не удалось и в ночь на 16 января многие польские и литовские конные и пешие люди с Усвята вторглись в Жижецкую и Плавеецкую волости Луцкого у., опустошая все на своем пути. Воевода оперативно выслал против них голову Юрия Житкова с казаками, которые в тот же день вернулись на Луки, доложив о разгроме противника¹²⁹.

¹²⁵ РГАДА. Ф. 210. Разряд. Столбцы Московского стола. № 163. Л. 56—57; столбцы Новгородского стола. № 25. Л. 472—473.

¹²⁶ В данном случае документы наглядно демонстрируют, что взятый или побитый на бою «мужик» являлся половозрастным определением, а не социальным, См.: там же. Столбцы Новгородского стола. № 25. Л. 405—408.

¹²⁷ Там же. Л. 408.

¹²⁸ Там же. Столбцы Московского стола. № 163. Л. 57.

¹²⁹ Там же. Л. 58.

К этому времени П. Репнин получил тревожные сведения о скоплении войск в Полоцке.

После того, как луцкому воеводе П. Репнину пришлось разделить 300 луцких стрельцов с невелиским воеводой М. Плещевым 6 февраля 1633 г. на Луки Великие был прислан царский указ о дополнительном приборе 100 стрельцов из числа стрелецких родственников и из гулящих людей. Социальная база такого набора оказалась весьма узкой, и воевода распространил стрелецкий прибор на добровольцев из числа детей тяглых посадских людей, что встретило активное сопротивление луцкого посада во главе с посадским старостой Петром Дохновским¹³⁰.

В феврале П. Репнин послал в Усвятские волости для языков лазутчика Васи́лия Строкина с казаками. Их отряд в 20 верстах от Усвята захватил усвятского мещанина да 12 волостных крестьян и повел их на Луки, но не доходя до Лук Великих все те же 20 верст 22 февраля их нагнала усвятская погоня. Поняв, что им от погони с языками не уйти, казаки порубили всех захваченных ими людей, после чего без потерь отбились и «от литовских людей отошли здорово», но в стычке троих из них все же переранили «ис пицали и саблями сечены»¹³¹. Неудачный поиск повторили 4 марта, но теперь луцкий воевода послал более сильный отряд из казаков и стрельцов во главе с лучанином Саввой Сергеевым сыном Немтиновым и пусторжевцем Антипой Федоровым сыном Нееловым и не верхами, а на лыжах. Отряд лыжников поймал в 8 верстах от Усвята двух крестьян и благополучно доставил их на Луки¹³². Взятые языки сообщили, что польско-литовские войска Рудомины на Усвяте собираются отойти в Польшу, но перед отходом планируют совершить набег на Луцкий и Невельский уезды. В то же время среди усвятских горожан и собравшихся за городскими стенами окрестных крестьян якобы распространены капитулянтские настроения о сдаче города русским войскам после ухода польско-литовского отряда Рудомины¹³³.

¹³⁰ РГАДА. Ф. 141. Приказные дела старых лет. 1633 г. № 4. Ч. II. Л. 413—415.

¹³¹ Там же. Ф. 210. Разряд. Столбцы Московского стола. № 163. Л. 59—60; столбцы Новгородского стола. № 25. Л. 498—505.

¹³² Там же. Столбцы Московского стола. № 163. Л. 60; столбцы Новгородского стола. № 25. Л. 531—534.

¹³³ Там же. Столбцы Новгородского стола. № 72. Л. 135—137.

По заданию П. Репнина луцкие добровольцы — вольные люди — ходили за языком и 19 марта поймали в Луцком у. и доставили к воеводе литвина, который сообщил о сборе на Колпинском озере литовцев, готовящихся напасть на русские земли¹³⁴. По этим вестям в Полоцкую волость на Колпино был послан лучанин Савва Немтинов со стрельцами, который разбил противника. С. Немтинов преследуя убегающих, разорял Полоцкий уезд за 40 верст от Полоцка, приведя на Луки «лавника» князя Богдана Огнинского Ивана Вадулина «и иных многих языков»¹³⁵.

Может показаться удивительным, но наступление весны с ее распутицей не привело к уменьшению бесконечных взаимных набегов. Очевидно, весенняя бескормица провоцировала людей искать решения сезонных проблем с пищей и кормом для скота за счет противника. В первой декаде апреля 1633 г. луцкому воеводе пришлось отражать набег усвятских гайдуков, мещан и крестьян, которые 7 числа пришли «вайною» в Плавеецкую и Жижецкую волости Луцкого у. и «многих крестьян побили и в полон поимали». В погоню за литвой с Лук отправился голова казачий Г. Хомутов с казаками и стрельцами и 10 апреля настиг противника в Усвятском повете на рч. Сороте (Сорочи) в 20 верстах от Усвята¹³⁶. В ходе короткой, но ожесточенной стычки литовский отряд был разбит, в плен попали усвятские гайдук, мещанин и 4 крестьянина. У Г. Хомутова потери составили четыре раненых казака из числа убивших по одному литвину «послужников»¹³⁷: Ермола Мурашев был «ранен ис пищали в бороду — четыре зуба вырвало, пулка стоит в бороде в кости», Василий Родионов — из пищали в правую руку «выше локтя навьлет», Григорий Кузмин

— «сечен саблею, у правой руки отсечены два перста», Ждан Моисеев — «сечен саблею у правой руки перст отсечен да в другом месте на той же руке пасечено выше локтя»¹³⁸.

В первой декаде апреля по заданию П. Репнина луцкий помещик Савва Немтинов с «охочими людьми» ходил в Полоцкий повет за языками и 12 апреля привел двух литовских крестьян¹³⁹. Вновь голова С. Немтинов повел казаков, стрельцов и «вольных людей» за рубеж 24 апреля, по вестям о сборах литовцев для нападения на Луцкий у., дабы перехватить их еще в Усвятских волостях. Не доходя 15 верст до Усвята Немтинов встретил отряд поляков и литовцев, разбил и рассеял его¹⁴⁰. От взятых на бою языков голове стало известно, что другой польско-литовский отряд с Усвята уже «воюет» Жижецкую и Плавеецкую волости Луцкого у. Двинувшись в указанном пленными направлении, Немтинов вскоре обнаружил сакму¹⁴¹ второго литовского отряда и начал преследование. Сакма привела его к Лукам за 15 верст и вновь отвернула от них к литовской границе. Наконец, 27 апреля «на Встлеселе» сакма вывела отряд Немтинова на дорогу, где он настиг и сходу атаковал противника. В результате схватки польско-литовский отряд был разбит и бежал, оставив в руках победителей весь захваченный в русских землях полон — 60 крестьян. Бой обошелся луцкому отряду в 4 раненых стрельцов, включая стрелецкого «знаменщика». На Луки Великие 28 апреля С. Немтинов привел 5 пленнх шляхтичей и 6 гайдуков¹⁴². По вестям от пленнх П. Репнин в тот же день 28 апреля выслал казачьего голову Григория Хомутова с луцкими казаками за другим литовским отрядом, который казаки догнали в 30

¹³⁴ РГАДА. Ф. 210. Разряд. Столбцы Московского стола. № 163. Л. 60–61.

¹³⁵ Там же. Л. 61–62.

¹³⁶ Там же. Л. 62.

¹³⁷ Термин представляет собой производное от «послужного списка», по нашим наблюдениям над документами приказного делопроизводства, слово обозначало лиц в послужных списках прописанных, таким образом, это общее название всех ратных людей «бывшихся явственно» и как-либо отличившихся на бою: подтвержденным убийством не менее одного «мужика», или взятием языка («язычники», «языччики», «язытчики»), вражеского знамени, пушки или каким-либо еще способом.

¹³⁸ РГАДА. Ф. 210. Разряд. Столбцы Новгородского стола. № 25. Л. 538–542, 544–547.

¹³⁹ Там же. Столбцы Московского стола. № 163. Л. 63; столбцы Новгородского стола. № 25. Л. 532.

¹⁴⁰ Там же. Столбцы Московского стола. № 163. Л. 63–65.

¹⁴¹ След (в виде следов, утопанной земли, вытопанной, поломанной и объеденной лошадьми растительности и продуктов жизнедеятельности людей и животных), который оставляетдвигающийся по целине (не по оборудованной дороге) отряд (обычно воинский).

¹⁴² РГАДА. Ф. 210. Разряд. Столбцы Московского стола. № 163. Л. 63–65; столбцы Новгородского стола. № 25. Л. 229–233, 532–533.

верстах от Лук Великих и разбили, приведя на Луки писаря полковника Рудомины Александра Хоминского и еще 10 пленных¹⁴³. В бою получил рану поместный казак Томило Игнатъев сын Рудаков, который *«бился явствено, убил литвина, а под ним убили конь наповал и самово ранили — пробил левую руку ис пищали выше локтя навывлет»*¹⁴⁴. По осмотру в Москве в Аптекарском приказе рана оказалась тяжелой — *«чашка из локтя выгнила вон, рана гораздо болна»*¹⁴⁵.

7 мая 1633 г. П. Репнин организовал набег «для языков» на Усвятскую волость Велижского повета силами луцких стрельцов во главе с их сотниками, которые доставили ему 5 пленн¹⁴⁶. По полученным от пленников вестям 17 мая П. Репнин выслал П. Лукомского и других голов с сотнями дворян и детей боярских и казаков, придав им стрелецких сотников с луцкими стрельцами, под Усвят. В полдень следующего дня луцкая посылка *«изгоном»* подкралась к Усвяту и атаковала не ожидавший нападения город. Горожане едва успели поднять мост и затворить ворота — *«и литовские люди в городе заперлися и поднем у города подняли и на выласку не вылезли»*, а ратные люди посекали оказавшихся вне городских стен служилых людей, горожан и крестьян, отгнав конские стада и скот. Сутки простояв под Усвятом, разоряя окрестности на 20–30 верст, луцкий отряд без боя вернулся домой, приведя в языках служилого литвина да нескольких усвятских мещан¹⁴⁷. Поскольку усвятский посад был выжжен еще при первом набеге, майская *«посылка»*, видимо, представляла собой исключительно демонстрацию силы и стоила луцким сотням одного подстреленного из города дворянина лучанина Богдана Федорова сына Хмелева¹⁴⁸, который потерял коня и сам был тяжело ранен¹⁴⁹.

¹⁴³ РГАДА. Ф. 210. Разряд. Столбцы Московского стола. № 163. Л. 65; столбцы Новгородского стола. № 25. Л. 489–492.

¹⁴⁴ Убитого коня Рудаков оценил в 20 руб. Там же. Столбцы Новгородского стола. № 34. Л. 32, 33–34.

¹⁴⁵ 26 июля 1633 г. царь пожаловал Рудакова придачей к поместному окладу в 50 чети земли и 3 руб. денег да указал выдать ему на лечение ран 3 руб. Там же. Столбцы Новгородского стола. Л. 35.

¹⁴⁶ Там же. Столбцы Новгородского стола. № 25. Л.; Столбцы Московского стола. № 163. Л. 66.

¹⁴⁷ Там же. Столбцы Московского стола. № 163. Л. 67–68.

Невель в «малой» войне

На Невеле голова П. Лукомский сдал город присланному на воеводство Микифору Юрьеву сыну Плещееву и уехал на Луки. Разрядная книга показывает имевшиеся в распоряжении М. Плещеева силы: 59 дворян и детей боярских невян, сводный приказ в 300 новгородских, торопецких и луцких стрельцов с сотниками, 2 подьячих, 8 пушкарей, 4 воротника, 2 казенных кузнеца, плотник, 3 рассыльщика да 56 невян посадских с детьми, братьями и захребетниками — всего служилых и *«всяких жилиецких»* людей 437 чел. Указ предписывал прибавить ратных людей: 200 стрельцов, да указывалось торопчанам дворянам и детям боярским быть на Невеле по 100 чел., *«переменяясь»* через каждые 2 месяца¹⁵⁰.

Новый воевода сразу же должен был включиться в «малую» войну. 9 марта *«на солнышном восходе»* отряд литовцев вторгся в Невельский у. и, разграбив в 30 верстах от Невеля Ущенскую волость, двинулся к Полоцку¹⁵¹. В погоню за литовцами отправился голова невянин Иван Петров сын Клочков с невянами и приданными ему во главе с сотником Богданом Головиным стрельцами, которых для скорости поставили на лыжи. Невяне и стрельцы настигли литовцев в Полоцком повете на оз. Нещедре в 40 верстах от Полоцка, литву разбили и *«полон отграмили»* да взяли трех языков. На бою отличился невянин Иван Иванов сын Лавров, подстреливший из пищали двух *«мужиков»*. Разгром литовцев в этом случае для русской стороны обошелся ранением невянина Осипа Иванова сына Деденева, который на бою двух литвин *«сек саблею»*, но и его ранили *«ис пищали по правой руке в мышку жилы рвала и кость рушана, да у той же руки отсечены прочь два перьста саблею»* да коня под ним подстрелили¹⁵².

¹⁴⁸ В 122-м (1613/14) г. Б. Ф. Хмелев был на службе в отряде Г. Волуева на Невеле (РНБ ОР. Ф. IV. № 394. Л. 195об.). В расходной книге Устюжской четверти 128-го (1619/20) г. ему написан оклад в 11 руб.: Приходно-расходные книги московских приказов 1619–1621 гг. С. 159.

¹⁴⁹ РГАДА. Ф. 210. Разряд. Столбцы Новгородского стола. № 25. Л. 244–248, 271–272.

¹⁵⁰ РК 139–142 гг. Стб. 457.

¹⁵¹ РГАДА. Ф. 210. Разряд. Столбцы Московского стола. № 163. Л. 111.

¹⁵² РГАДА. Ф. 210. Разряд. Столбцы Новгородского стола. № 25. Л. 455–463, 565.

В течение весны невелицкий воевода предпринял и наступательные шаги. 18 марта 1633 г. М. Плещеев послал сотника стрелецкого со стрельцами и с невелискими вожами Т. Мартыновым, З. Сергеевым и Ф. Емельяновым в Озерицкую волость в Мощеницы под литовские острожки¹⁵³. Разгромив окрестности литовских острожков, стрельцы благополучно вернулись назад, приведя 9 пленнх¹⁵⁴. Не имея достаточно ратных людей, воевода был вынужден прибегать к помощи добровольцев из местного населения. 2 апреля М. Плещеев послал в Полоцкий у. отряд из стрельцов и вольных людей, который повоёвал окрестности озера Белого в Полоцком у. и с полоном 6 апреля вернулся на Невель¹⁵⁵. От пленнх стало известно о сборе порубежных литовских мужиков на Уклейне для нападения на Невельский у. По этим вестям был послан стрелецкий сотник со стрельцами и добровольцами из местного населения, которые прошли Полоцкий у. на 50 верст по озерам Неведре, Уклейне и Колпину, разоряя литовские села и деревни и разгоняя отряды литовских избранцев и крестьян, и 11 апреля с полоном и без потерь вернулись домой¹⁵⁶. В день их возвращения М. Плещеев получил вести, что литовские пешие люди с Усвята разоряют Никольскую и Плисскую волости Невельского у. Воевода послал против них голов торопчанина Афанасия Пятого сына Полибина¹⁵⁷ и невянина Константина Семенова сына Деденева¹⁵⁸ с торопчанами и холмичами, которые, за 30

верст не доезжая Усвята, догнали и разбили литовцев, приведя на Невель пленнх¹⁵⁹.

14 апреля в Невель сообщили о движении пешего литовского отряда со стороны Полоцка в направлении оз. Ущо. На перехват литовцев выступили невелиские добровольцы вольные люди, которые подкараулили литовцев на переправе через р. Ущу, «и тех литовских людей многих побили и переранили, а досталные литовские люди з бою отошли крепостями»¹⁶⁰. Вернулись на Невель победители 15 апреля. По их рассказу в тот же день воевода послал в погоню за отошедшими литовцами стрелецкого сотника со стрельцами, которые догнали потрепанный литовский отряд уже в Полоцком у. на Неведре и, разгромив, с полоном вернулись на Невель 19 апреля¹⁶¹. 22 апреля М. Плещеев организовал «промысл над польскими и литовскими людьми» под Полоцком, подослав сюда голов торопчан Михаила Пятого сына Полибина¹⁶² и Данилу Лаврентьева сына Зеленого¹⁶³ с торопчанами, холмичами и невянами и со стрельцами. За 15 верст до Полоцка в с. Юрьевичах головы «сошлись» с литовским отрядом и разбили его, приведя 25 апреля на Невель 9 взятых в бою языков¹⁶⁴.

27 апреля 1633 г. стрелецкий сотник со стрельцами с Невеля ходили за языками под с. Озерищи в Полоцкий повет, где разорили Озерищи и 30 апреля привели на Невель «озерищ-

¹⁵³ РГАДА. Ф. 210. Разряд. Столбцы Новгородского стола. № 25. Л. 275–276.

¹⁵⁴ Там же. Столбцы Московского стола. № 163. Л. 112.

¹⁵⁵ Там же. Л. 113.

¹⁵⁶ Там же. Л. 113–114.

¹⁵⁷ В начале XVII в. по Торопцу, согласно торопецкой десятне 114-го (1605/06) г. с дополнениями 115-го (1606/07) г. служило два Афанасия Полибина — Афанасий Иванов сын и Афанасий Пятого сын (Там же. Дела десятен. Кн. 60. Л. 92, 145), но уже в июне 1613 г. в списке торопчан, присланным в Москву стольником и воеводой Василием Турениным, фигурирует лишь сын боярский Афанасий Пятого сын Полибин с поместным окладом в 450 четей земли: ОР РНБ. Ф. IV. № 394. Л. 176об.

¹⁵⁸ В расходной книге Устюжской четверти 128-го (1619/20) г. К. С. Деденеву написан оклад в 15 руб.: Приходно-расходные книги московских приказов 1619–1621 гг. С. 157.

¹⁵⁹ РГАДА. Ф. 210. Разряд. Столбцы Московского стола. № 163. Л. 114–115; Столбцы Новгородского стола. № 25. Л. 276.

¹⁶⁰ Там же. Столбцы Московского стола. № 163. Л. 115–116.

¹⁶¹ Там же. Л. 116.

¹⁶² Михаил Пятого сын Полибин записан уже в торопецкой десятне 114-го–115-го (1605/06–1606/07) гг. по городовому списку с окладом в 400 чети земли и 9 руб. «других» денег (Там же. Дела десятен. Кн. 60. Л. 92); при сыске служилых городов в июне 1613 г. он оказался уже записан по дворовому списку с окладом в 500 четей земли: ОР РНБ. Ф. IV. № 394. Л. 171об.

¹⁶³ По сыску служилых городов в июне 1613 г. дворянин Данила Лаврентьев сын Зеленый записан в торопецком списке с окладом в 700 четей земли и с пометой: «Ржевы Володимировы, а написан по торопецкому списку» (Там же. Л. 165).

¹⁶⁴ РГАДА. Ф. 210. Разряд. Столбцы Московского стола. № 163. Л. 117; Столбцы Новгородского стола. № 25. Л. 565–566.

ского укажника» и еще четверых его односельчан¹⁶⁵. В ответ на русские набеги полочане 4 мая вторглись в Невельский у. и принялись опустошать Далысскую волость. Против них были высланы с Невеля сотенные головы с торопчанами и холмичами. Дворяне и дети боярские нагнали литовцев на р. Уще в Полоцком повете, где разгромили их отряд, отбили невелинский полон, «а достальные литовские люди отошли рекою Ущею крепкими месты». 7 мая посылка вернулась на Невель¹⁶⁶.

Между Невелем и Полоцком были два выгодно расположенные острожка — Мощеницы (Нощеницы) и Торопчане — в 50 верстах от с. Озерищи на Витебском направлении, которые мешали свободному продвижению русских отрядов по территории Полоцкого повета, а для поляков и литовцев служили базой для набегов на земли Невельского и Луцкого уездов. Невельский воевода, видимо, решил избавиться от досаждавших ему острожков, для чего 10 мая невелинские вожи Т. Мартынов, З. Сергеев и Ф. Емельянов повели к тем острожкам русский отряд голов невянина Семена Фадеева сына Ярышкина с товарищами, состоящий из невян, торопчан и холмич, а также стрельцов во главе с сотниками. Первый острожек был взят штурмом, в ходе которого захватили 8 пленных да барабан и медную пушку «штурмак» калибром в гривенку ядро¹⁶⁷. Из второго, не дожидаясь подхода невелинского отряда, литовцы ушли. Спалив оба острожка, С. Ярышкин повернул назад к Невелю, но на обратном пути литовские гайдуки «под Государевых ратных людей подседели с пицалми в крепких местех»¹⁶⁸. Однако невелинские вожи, которые всегда «ведаючи подводили и сами наперед ратных людей ходили, не счадя голов своих», разгадали устроенную на русский отряд засаду. Вожи, развернув отряд Ярышкина и, «ведаючи литовских людей, следы переимали и твоих Государевых ратных людей обводили и Божию милостию и твоим Государским счастьем ратные люди тое подсаду литовских людей побили и языки поимали и боробаны». В бою с литов-

¹⁶⁵ РГАДА. Ф. 210. Разряд. Столбцы Московского стола. № 163. Л. 117–118.

¹⁶⁶ Там же. Л. 118–119.

¹⁶⁷ Там же. Л. 120.

¹⁶⁸ Там же. Л. 121.

ской засадой взяли четырех гайдуков и барабан, которых 16 мая и представили в Невеле Микифору Плещееву¹⁶⁹.

Во второй половине мая М. Плещеев посылал С. Ярышкина в погоню за совершившим набег на земли уезда казачьим поветовым ротмистром Александром Висковским, но пройдя 60 верст голова должен был вернуться назад ни с чем¹⁷⁰. После этой неудачной «посылки» М. Плещеев отправил голов Константина Деденева и Афанасья Полибина с невелинскими жожами под Полоцк для языков, которых взяли в Юрьевичах¹⁷¹.

Торопец в Смоленской войне

В начале февраля 1633 г. велижская литва совершила набег на Торопецкий у., пограбив с. Хотуино в Старцевой волости и на Устьяне «крестьян побили и животы их поимали», а оттуда двинулась в Жижецкую волость Луцкого у. Как только об этом стало известно в Торопце, «на всеедной неделе в Великой Месоед» 8 февраля 1633 г. воевода А. А. Измайлов выслал за ними в погоню торопчан Исаю Михайлова сына Нефедьева, Богдана Иванова сына Волкова¹⁷² и Павла Салтанова сына Глазова¹⁷³ с сотней торопецких стрельцов. Торопчане догнали литовцев в Велижской волости в 30 верстах от Велижа и разбили. Однако полного разгрома не получилось, поскольку уцелевшие после первого столкновения литовцы, спасаясь от торопецких ратных людей, успели укрыть-

¹⁶⁹ РГАДА. Ф. 210. Разряд. Столбцы Московского стола. № 163. Л. 121–122; столбцы Новгородского стола. № 25. Л. 205–207, 276. Отписки М. Плещеева и послужные списки по операции в Мощеницах и Торопчанах в Москву повез отличившийся в набеге торопчанин Петр Шамшев, за что получил жалованье в размере 10 руб. и портища «доброго» английского сукна: Там же. Столбцы Московского стола. № 163. Л. 122.

¹⁷⁰ Там же. Столбцы Новгородского стола. № 25. Л. 274–282.

¹⁷¹ Там же.

¹⁷² При сыске служилых «городов» в июньском торопецком списке 1613 г. записан служилый новик Б. И. Волков, верстанья стольника и воеводы князя Василия Ивановича Туренина-Оболенского с окладом в 250 чети земли: ОР РНБ. Ф. IV. № 394. Л. 186.

¹⁷³ Павел Салтанов сын Глазов упоминается в торопецкой десятне 114-го–115-го (1605/06–1606/07) гг. как младший брат неслужилого новика, поверстанного в 114-м (1605/06) г. Ивашки Салтанова сына: РГАДА. Ф. 210. Разряд. Дела десятен. Кн. 60. Л. 138об.

ся в укрепленном сельце Каменке, где «в осаде отсиделись»¹⁷⁴. Первый голова торопецкой посылки Исай Нефедьев в бою «бил-ся явственно», убив двух литвинов, но при штурме сельца сам получил тяжелую рану: «ис пищали по левому боку, и кости перебиты, и ныне пультка стоит в левой руке выше локтя»¹⁷⁵. По одному литвину поразили два других торопецких головы, оба получившие раны при последующем приступе к сельцу. Богдан Волков был тяжело ранен в левое плечо и надолго слег в Торопце¹⁷⁶, а Павла Глазова подстрелили из пищали в левую ногу выше колена¹⁷⁷.

18 мая 1633 г. А. Измайлов выслал на литовский рубеж отряд торопчан во главе с Семеном Скворцовым «для береженья литовских людей». Торопецкая застава обнаружила разорявший русские земли отряд литовцев в Ущице и в Жарках Бельского у. и устремилась за ними в погоню. По следам литовского отряда торопчане вышли к литовскому острожку, бывшему базой для набегов на русские земли, и взяли его, разгромив литовский отряд¹⁷⁸. Во время боя тяжело ранен был торопчанин Яков Андреев сын Голенищев: «ранен ис пищали в брюхо посторонь пуна навьлет, пулка вышла в левой бок, рана больна»¹⁷⁹.

22 мая дворяне и дети боярские из Торопца вновь посылались в Бельский у. на действовавший там литовский отряд. В бою, в частности, отличился Василий Захаров сын Зеленый, поразивший одного «мужика»¹⁸⁰.

¹⁷⁴ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 25. Л. 414–415, 439–441, 449–450.

¹⁷⁵ Там же. Л. 413, 416. За службу и за рану в марте 1633 г. И. Нефедьев получил придачу к своему поместному окладу: к 250 четям — 100 чети земли и к 8 руб. с городом — 6 руб. денег, см.: там же. Л. 417–420.

¹⁷⁶ Там же. Л. 438, 442. За службу и за рану в марте 1633 г. Б. Волков получил придачу к своему поместному окладу: к 250 четям — 50 чети земли и к 14 руб. с городом — 8 руб. денег, да денежный оклад его был перепичан из городского списка в четвертной, см.: там же. Л. 443.

¹⁷⁷ Там же. Л. 447–448, 450. Рана не помешала П. Глазову приехать для получения жалованья в Москву, где он получил за службу и рану придачу к своему поместному окладу: к 250 чети — 50 чети земли и к 6 руб. с городом — 8 руб., а также 4 рубля на лечение раны, см.: там же. Л. 451.

¹⁷⁸ Там же. № 34. Л. 41.

¹⁷⁹ Там же. Л. 41–42.

¹⁸⁰ Там же. № 316. Л. 177.

Полоцкий поход

Выше мы уже видели сколь регулярно невелицкий и луцкий воеводы посылали под Полоцк разведывательные отряды, каждый раз привозившие языков из числа местных жителей. В декабре после Колпинского боя, где была полностью разгромлена хорунга ротмистра Я. Вронского, взятые в плен ротмистр, писарь воеводы полоцкого и шляхтич Самуйло Списальский в распросных речах показали численность полоцкого гарнизона¹⁸¹. По крайней мере, двое из них по своим должностям и обязанностям должны были быть людьми хорошо информированными. Их показания заметно расходятся, что свидетельствует об отсутствии между ними какого-либо сговора. Ротмистр сказал, что в Полоцке в ожидании королевского приказа «сидит» 3 ротмистра с их хорунгами: Павлович (150 казаков), Уланович (100 казаков), а имени третьего ротмистра он «не пометчет», но его хорунгу оценивает в 100 гусар, да пехоты в полоцком гарнизоне — 150 гайдуков; кроме имеющихся Я. Кишка «затекает» еще 150 гусар. Другие сведения об имеющихся в Полоцке войсках приводит воеводский писарь Х. Курча: ныне «ротных людей» и казаков — 100 коней да 200 гайдуков во главе с ротмистром Торусой. Сведения Х. Курчи дополняет С. Списальский: в Полоцке 200 гайдуков, да конницу набирает шляхтич Висковский, а для формирования конницы воеводе Я. Кишке дано «грошей королевских» на 300 гусар да на 300 казаков.

Попытавшись объединить и устранить противоречия между показаниями пленных, реконструируем, описываемую ими картину состояния войск в Полоцке на декабрь 1632 г.: в распоряжении воеводы имеется налицо 150–200 гайдуков ротмистра Торусы и 100 всадников (вероятно личная хорунга воеводы); в то же время, получив от короля деньги на прибор 300 гусар и 300 казаков, Я. Кишка выдал патенты и деньги трем ротмистрам для формирования двух казачьих (по 150 и 100 коней) и одной гусарской (в 100 коней) хорунг да еще одну гусарскую хорунгу (в 150 коней) формирует под своим личным командованием. Формируемое на королевские деньги войско под командованием самого воеводы (250 гусар и 250 казаков) будет стоять в Полоцке в ожидании королевского приказа, по получении которого выступит для присо-

¹⁸¹ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Новгородского стола. № 25. Л. 284–286.

единения к королевской армии. После выступления Я. Кишки на соединение с королем или с гетманом ВКЛ в Полоцке с подвоеводьем Яном Лисовским должны остаться гайдуки и отряды поветовой шляхты и казаков вроде разгромленной на Колпино хорунги Вронского и вовремя ретировавшейся хорунги Кухарского.

Видимо, на проведение этих вестей, в первую очередь, и посылали под Полоцк разведывательные разъезды луцкий и невелицкий воеводы. То, чего, надо полагать, ожидали П. Репнин и М. Плещеев, случилось в конце мая. В это время в Невельском у. опять объявился ротмистр А. Висковский, и Плещеев 29 мая уже вторично выслал за ним в погоню ратных людей, а в вожах с ними послал невелицкого бургомистра Г. Ковалю-Радецкого и уже известных нам невелицких вожей Т. Мартынова, З. Сергеева и Ф. Емельянова, но Висковскому опять удалось ускользнуть. Когда головы торопчане Афанасий Русинов сын Челищев¹⁸², Василий Тимофеев сын Веригин¹⁸³ и невянин Иван Петров сын Клочков¹⁸⁴ безуспешно гонялись по уезду за Висковским, 30 июня П. Репнин отписал на Невель, что ему «вестно подлинно учинилося, что в Полоцке прибылых ратных людей нет», и он с Лук послал на Полоцк ратных

людей. Луцкая посылка должна была соединиться с невелицким отрядом в дер. Мурашкине, после чего вместе идти к Полоцку¹⁸⁵. Как в точности действовал М. Плещеев, не известно: позже в победной реляции в Москву подробности с погоней за Висковским были опущены¹⁸⁶. Можно лишь констатировать, что луцкий и невелицкий отряды сошлись не в Мурашкине, куда П. Репнин послал своих людей на встречу с людьми М. Плещеева, а в Монастырщине на Язне Невельского у.

Луцкую «посылку» возглавляли Петр Лукомский, Семен Мякинин и Никита Сумороков. С головами дворянских сотен в походе участвовали казачий голова Г. Хомутов с атаманом, есаулом и казаками да сотники стрелецкие со стрельцами. В Монастырщине к П. Лукомскому с товарищами присоединились посланные с Невеля вышеназванные головы А. Челищев с товарищами с невянами, торопчанами и холмичами, подкрепленные двумя стрелецкими сотниками со стрельцами. Объединенные силы во главе с П. Лукомским с товарищами «згоном и украдом», ведомые невелицкими вожами, устремились к Полоцку.

На исходе ночи перед рассветом 3 июня русские войска, ведомые Г. Радецким-Ковалем подошли к спящему Полоцку. Здесь, оставив у ворот под острожной стеной ертаул невянина Федора Петрова сына Лодыженского, Радецкий со своим товарищем вожем Ф. Емельяновым, стрелецким сотником лучанином Самсоном Ивановым сыном Макаровым¹⁸⁷ и 50 стрельцами в предрассветных сумерках спустился в ров, поднялся на

¹⁸² При сыске служилых «городов» в июньском торопецком списке 1613 г. А. Р. Челищев записан с окладом в 400 чети земли (РНБ ОР. Ф. IV. № 394. Л. 173об.) В расходной книге Устюжской четверти 128-го (1619/20) г. А. Р. Челищеву написан оклад в 9 руб.: Приходно-расходные книги московских приказов 1619–1621 гг. С. 160.

¹⁸³ По торопецкой десятне 114-го – 115-го (1605/06 – 1606/07) гг. неслужилый новик В. Т. Веригин верстан в 114-м (1605/06) г. окладом в 250 чети и первыми деньгами в 7 руб. (РГАДА. Ф. 210. Разряд. Дела десятен. Кн. 60. Л. 141). При сыске служилых «городов» в июньском торопецком списке 1613 г. В. Т. Веригин записан по дворовому списку с окладом в 500 чети земли; ОР РНБ. Ф. IV. № 394. Л. 170об.

¹⁸⁴ 1 ноября 1613 г. невянин И. П. Клочков вместе с Иваном Горяиновым и Макаром Молвяниновым запечатали в Печатном приказе грамоту об отводе им в поместье 407 четей в Пусторжевском у. (Документы Печатного приказа (1613–1615 гг.) / Сост. С. Б. Веселовский, подг. к печ. Н. К. Ткачева. М., 1994. С. 315). По разбору 139-го (1630/31) г. И. П. Клочков возглавлял служилую корпорацию невян на Луках с окладом в 750 четей земли и 25 руб. из Чети (РГАДА. Ф. 210. Разряд. Дела десятен. Кн. 28. Л. 93–93об.).

¹⁸⁵ РГАДА. Ф. 210. Разряд. Столбцы Новгородского стола. № 25. Л. 113.

¹⁸⁶ Вся эта ситуация проясняется благодаря несогласованности датировок: по отпискам воевод получается, что инициатор похода П. Репнин, известивший М. Плещеева, послал свой отряд на сутки позже (30 мая), чем М. Плещеев (29 мая), узнавший о походе на Полоцк (в котором предстояло принять участие его контингенту) когда луцкие ратные люди уже выступили в поход (там же. Л. 118–120); реальный ход и последовательность событий проясняется благодаря челобитной невелицкого вожа и бывшего бургомистра Ковалю-Радецкого: там же. Л. 158.

¹⁸⁷ По сыску служилых «городов» 1613 г. С. И. Макаров записан в новиках с окладом в 200 чети, см.: РНБ ОР. Ф. IV. № 394. Л. 189.

вал, проломил острожный тын, «снял» караул, после чего помог влезть в образовавшийся пролом своим товарищам, установил на остроге царское знамя и бросился к острожным воротам, где зарубил преградившего ему путь воротного сторожа и, сбив замок, открыл ворота перед русским войском.

Наиболее подробно свои заслуги перед Государями царем и святейшим патриархом описал сам герой описываемых событий невеликий бургомистр Григорий Радецкий — русский вож Гриша Коваль: «Служил я, холоп ваш, вам, Государем, верою и правдою за проваславную крестьянскую веру и за вас, Государей, под Невлем городом. И нев(ель)ской воевода Никифор Юрьевич Плещеев послал меня с Невля с вашими, Государевыми, людьми вожем на Висковского полковника, и Висковского полковника не сошли. И сошлись те ваши, Государевы, люди с лутцкою посылкою. И я, холоп ваш, тех ваших, Государевых, людей повел под Полоцк город. И пришедши под Полоск, ваших, Государевых, людей поставил под стеною, а с собою взял пятьдесят стрелцов, и пришел с ними в ров. И из рови наперед всех розломал острог — четыре тынины выломил, — и тех стрелцов всех за руку принял в острог и знамя поставил на остроге. И в острог вошедши, литовских сторожей к себе приманил дву человек — заговорил по-литовски, — и примоня их, и зарубил тех сторожей. И пришед к воротом, и сторожа срубил и ворота отпер и ваших, Государевых, людей в острог пустил. И вашим, Государским, щастьем, а моим промыслишком ваши, Государевы, люди острог высекли. И в тое Государи пору у меня, холопа вашего, убили на том бою конь да меня, холопа вашего, ранили по левой ноге ис пищали»¹⁸⁸.

Ворвавшись в Полоцк, царские сотни «большой острог июня в 3 день взяли и выжгли и польских и литовских людей посекали и языков поимали ... И острог и в остроге дворы и лавки и гостинный двор и за Полотою посадки выжгли и высекли без остатку, и многие литовские люди в Двине-реке потанули, а достальные литовские люди убежали в малой город и заперлися в малом городе»¹⁸⁹. Соблазн взять город целиком, когда победа, казалось, так близка, толкал русских предводителей и

¹⁸⁸ РГАДА. Ф. 210. Разряд. Столбцы Новгородского стола. № 25. Л. 158.

¹⁸⁹ Там же. Л. 119–120.

ратных людей на штурм верхнего замка. Видимо, во время штурма замка и получили свои раны большинство русских ратников: подавляющее большинство из них ранены из огнестрельного оружия. Отбив штурм русских ратников, литовцы решились на вылазку, но были с уроном отброшены в замок¹⁹⁰. Помимо уже упоминавшегося Г. Радецкого раны в бою получили голова пусторжевец Никита Сумороков, сотник лутцких стрельцов Самсон Макаров, 3 лучан, пусторжевец, невянин, 3 торопчан и 5 лутцких казаков¹⁹¹.

Попытки взять оставшихся литовцев приступом всякий раз нарывались на смертоносные залпы защитников замка, и «немногие литовские люди отсиделися в малом городе» с подвоевodom Я. Лисовским¹⁹². Как писал потом Я. Лисовский: «в том часе иж люд неприятельский московский ... напавши чатою, все место Полоцкое и Заполоте сплендровало и попалило, за чим як лянтвойта, так бургомистра и инших много добрых колекгов в месте позабывали, а инших в полон живых побрано, так же и замок вышний ледво се удержал»¹⁹³. В Полоцке русский отряд, согласно одной росписи, взял большое гайдуцкое знамя, 2 прапора и 2 барабана, а также полуторную медную пушку и 2 затинных пищали, «а иной наряд, которой стоял по большому острогу, погорел, как острог взяли»¹⁹⁴. По другой же росписи добычу русских войск составили медная немецкая пищаль калибром в две гривенки с четью ядро, 3 затинных пищали, вестовой колокол, знамя «мещанское», 5 гайдуцких прапоров и барабан. Две взятые затинные пищали усилили оборону Невеля, а 7 пленных, знамя, два прапора и барабан М. Плещеев отослал в столицу. На Луки головы привели в числе пленных родных племянников князя Хриштопа Соколинского

¹⁹⁰ РГАДА. Ф. 210. Разряд. Столбцы Московского стола. № 163. Л. 107. Убитый литовец значится в послужном списке лучанина Михаила Иванова сына Борисова. Там же. Столбцы Новгородского стола. № 316. Л. 195.

¹⁹¹ Там же. № 25. Л. 176–185, 189, 195–197, 211–214, 222–224, 252–256, 260–265.

¹⁹² Там же. Л. 113.

¹⁹³ Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России. Т. II. СПб., 1865. № 55; Русско-белорусские связи: Сб. документов (1570–1667). Минск, 1963. С. 116.

¹⁹⁴ РГАДА. Ф. 210. Разряд. Столбцы Новгородского стола. № 25. Л. 119.

Яна и Данила Михайловых детей Корсаков, Юрия Побединского, а с ним 10 шляхтичей роты Вронского и мещан¹⁹⁵.

Из числа «*послужников*» помимо Григория Радецкого следует выделить вышеназванного стрелецкого сотника С. Макарова, убившего 6 литвинов, а также всадников, на счету которых по 3 литвина: лучан Константина Десятого сына Великопольского, Крика Иванова сына Нелединского, пусторжевца Луку Никитина (Пояркова) сына Головина¹⁹⁶, торопчанина Тимофея Кулушева сына Челищева; да тех, на счету которых по 2 убитых врага: лучанина Матвея Петрова сына Низовцева, торопчан Федора Иванова (Кулемесова) сына Полибина, Митрофана Третьякова сына Ощерина и казаков Елисея Хохлова, Михаила Григорьева, Ивана Левина и Луки Семенова¹⁹⁷. За язычным жалованьем в столицу отправились торопчане Василий Васильев сын Зеленый (взял шляхтича Казимира Рынкевича), Степан Вышеславцев (взял мещанина Петра Кондратьева), Степан Богданов сын Татаринцов (взял казака Григория Коноповского), Воин Васильев сын Деденев¹⁹⁸ (взял мещанина Микулая Кормчикова), Никита Осипов сын Ощерин (взял казака Яна Пятиковского), Яков Непейцын (взял мещанина Ивана Денисова) и невянин Илья Коптев (взял мещанина болберя Ивана Антонова)¹⁹⁹. Сам герой взятия Полоцка Григорий Радецкий, вероятно хорошо зная Полоцк, взял богатую добычу. Невельский вож нагрузил своего вьючного коня сумами с полоцкой добычей, по его оценке, на 420 руб. Однако на обратном пути, шедший в голове экспедиции, получивший в бою рану невельский вож Г. Радецкий, не имея собственного холопа, вынужден был доверить охрану своих «*полоцких живо-*

¹⁹⁵ РГАДА. Ф. 210. Разряд. Столбцы Московского стола. № 163. Л. 47–48.

¹⁹⁶ В расходной книге Устюжской четверти 128-го (1619/20) г. Л. Н. Пояркову написан оклад в 19 руб.: Приходно-расходные книги московских приказов 1619–1621 гг. С. 155.

¹⁹⁷ РГАДА. Ф. 210. Разряд. Столбцы Новгородского стола. № 25. Л. 184, 189, 197, 211–214, 222–224, 241–243, 253–265.

¹⁹⁸ В расходной книге Устюжской четверти 128-го (1619/20) г. В. В. Деденеву написан оклад в 8 руб.: Приходно-расходные книги московских приказов 1619–1621 гг. С. 161.

¹⁹⁹ РГАДА. Ф. 210. Разряд. Столбцы Новгородского стола. № 25. Л. 241–243.

тов» пленной полоцкой девке. Этим не замедлили воспользоваться луцкие казаки, которые отобрали у пленницы ценную добычу вместе с конем²⁰⁰.

Сеунч в Москву о Полоцкой виктории от луцкой посылки привез раненый в бою третий сотенный голова Никита Сумороков, за что получил жалованье у царского стола в размере сорока соболей в 30 руб., 10 аршин камки кармазину «*доброго*», серебряный ковш в 1,5 гривенки весом и придачу к своему окладу 20 июня – 100 четвертей земли и 20 руб. денег, да 3 июля – еще 100 чети и 8 руб.²⁰¹ М. Плещеев послал сеунщиком в столицу отличившегося в бою невянина Федора Лодыженского, который получил за службу и сеунч сорок соболей в 25 руб., 10 арш. «*доброй*» камки кармазину, серебряный ковш в 1,5 гривенки весом да придачу к своему поместному окладу в размере 100 четей земли и 18 руб. денег²⁰².

Вместе с сеунщиком с Невеля в Москву поехал и главный виновник торжества – вож, бывший невельский бургомистр Григорий Радецкий. В столице героя поверстали по Невелю поместным окладом с городом, а также пожаловали сороком соболей в 20 руб., серебряным ковшом в 1,5 гривенки весом да 10 аршинами камки²⁰³. Однако не позднее сентября 1633 г. Г. Радецкий становится атаманом невельских казаков²⁰⁴. Радецкий пытался вернуть утраченную при отходе из Полоцка добычу, но найти сокровище ему не удалось даже после того, как он опознал у казака Парфена Симонова своего вьючного коня. Луцкий казак в иске невельского атамана перед воеводой «*взял себе на душу крест целовать*», и Радецкий проиграл дело, судебная пошлина в кото-

²⁰⁰ РГАДА. Ф. 210. Разряд. Столбцы Новгородского стола. № 58. Л. 307.

²⁰¹ Там же. Дела десятиен. Кн. 30. Л. 44; Столбцы Московского стола. № 163. Л. 48.

²⁰² Там же. Столбцы Московского стола. № 163. Л. 107. 26 июня М. Сумороков и Ф. Лодыженский получили жалованье за полоцкий набег в Казенном приказе: Там же. Ф. 396. Архив Оружейной палаты. Оп. 2. Кн. 288. Л. 584–586об.

²⁰³ РГАДА. Ф. 210. Разряд. Столбцы Московского стола. № 163. Л. 109–110. 23 июня 1633 г. Г. Радецкий получил жалованье за полоцкую службу в Казенном приказе: Там же. Ф. 396. Архив Оружейной палаты. Оп. 2. Кн. 288. Л. 578–579.

²⁰⁴ Там же. Ф. 210. Разряд. Столбцы Новгородского стола. № 72. Л. 138.

ром в соответствии с суммой иска составила 44 руб. Последним утешением в этом деле для бывшего невелиского бургомистра стало прощение ему сентябрьским указом 1634 г. судебных пошлин за его заслуги²⁰⁵. Попытка пересмотреть это дело в столице весной 1635 г., похоже также окончилась неудачей²⁰⁶.

После окончания войны, отдачи Невеля полякам и перевода невелиских служилых людей на Луки в 143-м (1634/35) г. атаман Г. Радецкий привез на Луки жалованье казакам своей станицы кормовое и на дворовое строение по 5 руб. на человека²⁰⁷. В том же 143-м (1634/35) г. году денежный оклад Радецкого составил 9 руб., а в последующих 144-м (1635/36) и 145-м (1636/37) гг. вырос до 12 руб. при земельном окладе в 300 чети²⁰⁸. В августе 1641 г. по челобитью Г. Радецкого на Луки прислали царскую грамоту об отказе ему 11 пустошей в Славуйском и в Липецком станах Луцкого у., на которые в сентябре того же года составили мерные книги²⁰⁹. Согласно мерным книгам пустошей²¹⁰ и отдельным книгам казачьего атамана Г. Радецкого декабря 1643 г., в августе 1643 г. он получил придачу к своему поместью в Луцком у. к 245 четям без четверика «в свой оклад» еще 12 четей «в поле, а в дву потому ж, сена и сенных покосов лесом поросло 40 копен, лесу пашенного и непашенного 2 десятины, да в пусте полюбжи бес полполтретника обже»²¹¹. О следующей придаче к своему поместью Г. Радецкий просил в марте 1645 г., когда на Луках произвели сыск и составили мерные книги²¹², но отказали ему просимую землю лишь в декабре 1648 г.²¹³ В 1646 г. атаман Г. Радец-

²⁰⁵ Там же. Ф. 210. Разряд. Столбцы Новгородского стола. № 58. Л. 308–309.

²⁰⁶ Там же. Ф. 233. Печатный приказ. Кн. 23. Л. 348.

²⁰⁷ Там же. Ф. 210. Разряд. Дела десятен. Кн. 279. Л. 78об.–79, 93–94, 108; Столбцы Новгородского стола. № 58. Л. 328–331.

²⁰⁸ Там же. Дела десятен. Кн. 279. Л. 93–94 121.

²⁰⁹ Там же. Ф. 1209. Поместный приказ. Оп. 2. Луки Великие. Кн. 8369. Л. 339–342.

²¹⁰ Там же. Л. 473–479.

²¹¹ Там же. Л. 481–485.

²¹² Там же. Л. 866–868.

²¹³ Там же. Кн. 8370. Л. 1566–1569об.

кий привел свою станицу в полк В. Б. Шереметева²¹⁴. В феврале–марте 1649 г. казачий атаман Григорий Радецкий судился на Луках с лучанами Прокофием Петровым сыном Лаптевым и Григорием Никитиным сыном Пасынковым²¹⁵. В мае 1651 г. атаман Г. Радецкий получил придачу к своему поместному земельному и денежному окладу за участие в подавлении псковского восстания 1650 г.²¹⁶ К 163-му (1654/55) году Г. Радецкий умер не оставив наследников, и в этом году его вдове Ефросинье было дано на прожиток из земель мужа поместье в Луцком у. на 132 чети с осминою и с четвериком, которое она в следующем 164-м (1655/56) г. отказала своему племяннику великолукскому помещику Якову Гродецкому²¹⁷.

За службы 141-го (1632/33) г. пожалованы были и сами служилые города. Если в Торопце «выбор» существовал со 127-го (1618/19) г., то на Луках, во Ржеве Пустой и на Невеле по государеву указу выбор учинили в 141-м (1632/33) г.²¹⁸ Причем, учреждение выбора в служащих по Лукам Великим «городах» состоялось не одновременно. Как показывает десятня денежной раздачи на Луках 25 мая 1633 г., в выборные дворяне к этому моменту оказался пожалован лишь пусторжевец Никита Иванов сын Сумороков²¹⁹, у лучан же выбор еще не записан²²⁰. Лишь после взятия Полоцка, но не позже августа 1633 г. лучан жалуют

²¹⁴ РГАДА. Ф. 210. Разряд. Смотренные списки. Кн. 6. Л. 39об.

²¹⁵ Грамота об этом на Луки запечатана 23 февраля 1649 г.: РГАДА. Ф. 233. Печатный приказ. Кн. 49. Л. 246.

²¹⁶ Там же. Кн. 60. Л. 123об. О подавлении Псковского восстания 1650 г. см.: Тихомиров М. Н. Классовая борьба в России. М., 1969. С. 260–296; Аракчеев В. А. Псковский край в XV–XVII веках: Общество и государство. СПб., 2003. С. 261–273.

²¹⁷ РГАДА. Ф. 233. Печатный приказ. Кн. 77. Л. 367. В сентябре 1658 г. двор Ефросиньи Радецкой на Луках, вероятно после ее смерти, был пожалован по челобитью ее племяннику лучанину Я. Гродецкому: там же. Кн. 90. Л. 57.

²¹⁸ РГАДА. Ф. 210. Разряд. Столбцы Новгородского стола. № 316. Л. 119–120.

²¹⁹ После этих пожалований его оклад составил 950 чети земли и 56 руб. денег, см.: там же. Дела Десятен. Кн. 30. Л. 44; столбцы Московского стола. № 1069. Столпик IV. Л. 14.

²²⁰ Там же. Дела Десятен. Кн. 30. Л. 2об.

в выборные дворяне²²¹. После «очищения» отторгнутых у Московского государства в Смутное время городов разгром Полоцка ратными людьми Великих Лук, Невеля и Торопца стал одной из наиболее значительных побед русских войск на «северном фронте» Смоленской войны. Лишь героическая защита отрядом князя Ф. Ф. Волконского Белой на завершающем этапе войны от войск короля Владислава IV²²² превосходит взятие Полоцка по своему военно-политическому значению.

²²¹ При наряде на береговую службу половины лучан, пусторжевцев, невлян, луцких и невельских казаков во главе с атаманами Еремой Саламыковым и Григорием Радецким по выбору оказались записаны 17 лучан во главе с Петром Максимовым сыном Лукомским, Семеном Григорьевым сыном Мякининым и Алексеем Буславовым сыном Бибиковым, 4 пусторжевца во главе с Никитой Ивановым сыном Сумороковым и 4 невлянина во главе с Семеном Фадеевым сыном Ярышкиным. Там же. Столбцы Новгородского стола. № 34. Л. 354, 361, 363, 366, 370, 372, 378.

²²² Об обороне Белой см.: *Чистякова Е. В., Богданов А. П.* «Да будет потомкам явлено ...» Очерки о русских историках второй половины XVII века и их трудах. М. 1988 С. 14–18; *Dariusz K. Smolensk 1632–1634.* Warszawa, 2001. S. 217–231.